

УДК 94(581)
ББК 63.3(5Афг)
К46

Кича, Мария Вячеславовна.

К46 Афганистан : подлинная история страны-легенды / Мария Кича. — Москва : Эксмо, 2022. — 464 с., 8 л. цв. ил. — (Биография великих городов мира).

ISBN 978-5-04-159278-3

Современный Афганистан — это страна-антилидер по вопросам безопасности, образования и экономического развития. Его печальное настоящее резко контрастирует с блистательным прошлым, когда Афганистан являлся одним из ключевых отрезков Великого шелкового пути и «солнечным сплетением Евразии». Но почему эта древняя страна до сих пор не исчезает из новостных сводок? Что на протяжении веков притягивало к ней завоевателей? По какой причине Афганистан называют «кладбищем империй» и правда ли, что никто никогда не смог его покорить? Каковы перспективы развития Афганистана и почему он так важен для современного мира? Да и вообще — что такое Афганистан? Ответы на эти и многие другие вопросы — в настоящей книге.

УДК 94(581)
ББК 63.3(5Афг)

ISBN 978-5-04-159278-3

© Кича Мария Вячеславовна, текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1. БУДДА В ОГНЕ, БУДДА В ШЕЛКАХ	15
ГЛАВА 2. КРОВАВЫЙ ПОЛУМЕСЯЦ	33
ГЛАВА 3. ВЕРЕВКА ИЗ ПЕСКА	54
ГЛАВА 4. МЕЖДУ ЛЬВОМ И МЕДВЕДЕМ	75
ГЛАВА 5. ОБИТЕЛЬ ПОКОРЕННЫХ	95
ГЛАВА 6. ЧЕМОДАН БЕЗ РУЧКИ	117
ГЛАВА 7. ЖЕЛЕЗНЫЙ ЭМИР	140
ГЛАВА 8. ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ	158
ГЛАВА 9. ИЗМЕНИТЬ НЕИЗМЕННОЕ	171
ГЛАВА 10. ПРИЗРАК СТАБИЛЬНОСТИ	204
ГЛАВА 11. ВЛАСТЬ СЕМЬИ	209
ГЛАВА 12. ЖАРКИЕ ДНИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»	223
ГЛАВА 13. «В НАШЕЙ БУРУХТАНИИ ОЧЕНЬ ХОРОШО»	241
ГЛАВА 14. КОНЕЦ ДИНАСТИИ	259
ГЛАВА 15. ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ	265
ГЛАВА 16. НЕСВЯЩЕННАЯ И НЕНАРОДНАЯ	291

ГЛАВА 17. МАРИОНЕТКИ И КУКЛОВОДЫ	302
ГЛАВА 18. ЯЩИК ПАНДОРЫ.	311
ГЛАВА 19. АРХИТЕКТУРА ХАОСА	325
ГЛАВА 20. СТРАНА ПОБЕДИВШЕГО ТЕРРОРИЗМА	338
ГЛАВА 21. ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ	348
ГЛАВА 22. БАЗА.	361
ГЛАВА 23. ГЛАС НАРОДА	375
ГЛАВА 24. САД СРЕДИ КАМНЕЙ	386
ГЛАВА 25. ВОССТАНОВИТЬ НЕСУЩЕСТВОВАВШЕЕ.	394
ГЛАВА 26. СТОГЛАВАЯ ГИДРА.	405
ГЛАВА 27. ТРЯСИНА	416
ГЛАВА 28. ХРУСТАЛЬНЫЕ ЗАМКИ	421
ГЛАВА 29. НАЗАД В БУДУЩЕЕ.	427
ЭПИЛОГ	437
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ.	440
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ВОКАБУЛЯР	443
ПЕРЕЧЕНЬ ОБЪЕКТОВ И РАБОТ, ПО КОТОРЫМ ВЫПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СССР ПО ОКАЗАНИЮ ТЕХНИЧЕСКОГО СОДЕЙСТВИЯ АФГАНИСТАНУ ЗАВЕРШЕНО.	447
ХРОНОЛОГИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ	453
СОВРЕМЕННЫЙ АФГАНИСТАН В ЦИФРАХ (СТАТИСТИКА 2015–2021 ГГ.)	455
БИБЛИОГРАФИЯ	458

В Афганистане вера может оказаться куда важнее всего прочего, и миф имеет здесь не меньшее значение, чем логос.

*Дженни Нордберг. Подпольные девочки Кабула.
История афганок, которые живут в мужском обличье*

Не одна, не две, а много войн, больших и малых, справедливых и несправедливых, с переменным составом предполагаемых героев и злодеев, и каждый новый герой заставляет все больше тосковать по старому злодею.

Халед Хоссейни. И эхо летит по горам

И все-таки, несмотря на пестроту красок, блеск и внешнюю упоительную красоту этой жизни, меня обуревают ненависть к мертвому Востоку. Ни проблеска нового творческого начала, ни одной книги на тысячи верст. Упадок, прикрытый однообразным и великолепным течением обычаев. Ничего живого.

Лариса Рейснер. Афганистан

Как мог Афганистан так быстро рухнуть? Как бывший солдат, переводчик, который участвовал вместе с американскими и афганскими силами в спецоперациях, я могу дать вам ответ, который отсутствует в публичном пространстве: культура, менталитет. . .

Бакташ Ахади

Благодения, оказанные недостойному, я считаю злодениями.

Марк Туллий Цицерон

История — это и есть естественный отбор.

Салман Рушди. Стыд

ВВЕДЕНИЕ

Если земля действительно круглая, значит,
Афганистан, как и любое другое место, может
быть ее центром.

*Диана Мохаммади и Мари Бурро.
Маленькая торговка спичками из Кабула*

15 августа 2021 г. боевики «Талибана»* взяли Кабул и объявили об окончании гражданской войны в Афганистане, которая длилась уже 43 года.

Казалось, афганцы должны быть счастливы — однако они цеплялись за американские самолеты, пытались покинуть страну, срывались и разбивались насмерть.

Шокирующие кадры из кабульского аэропорта пробудили у людей из разных стран мира не самые приятные воспоминания — и вызвали старые, позабытые вопросы, не утратившие своей актуальности. Откуда взялись талибы? Что в Афганистане делают американцы? Почему Афганистан стал таким, каким является сегодня? Да и вообще — что такое Афганистан?

Афганистан расположен в самом сердце Азии. Он связывает три важных региона: Индийский субконтинент, Центральную Азию и Иранское нагорье. Однако у этой страны нет ни выхода к морю, ни очевидных географических факторов, объединяющих население (как, например, египтян объединял Нил). Некоторые участки афганской границы определяются по рекам: Амударье — на севере, Хари Род — на северо-западе и Гильменду — на юго-западе. Еще одну естественную границу обеспечивают высокие горы Гиндукуш на стыке Памира, Каракорума и Гималаев.

* Звездочкой отмечены террористические организации, запрещенные в РФ.

Они разделяют Афганистан на две части. Суровые горные хребты отчасти оберегали афганцев от вражеских полчищ — но низины в северных, западных и южных предгорьях с незапамятных времен манили купцов, переселенцев и завоевателей, способствуя вторжениям извне и миграции во всех направлениях.

«География — это судьба», — говорил Наполеон Бонапарт. Именно география определила течение афганской истории. На протяжении тысячелетий Афганистан являлся своеобразными «воротами», широко распахнутыми для захватчиков, которые направлялись из Ирана и Центральной Азии в Индию. Вплоть до XVIII в. Афганистан входил в состав других государств. Его называют «кладбищем империй», ибо на протяжении веков он был полем битвы.

Доисламские государственные образования на землях Афганистана составляют обширный и весьма пестрый список. Среди них — и загадочное Кушанское царство; и эллинистическое государство Селевкидов, возникшее на обломках империи Александра Македонского; и зороастрийская держава Ахеменидов; и «мать городов» — Балх, по легенде, основанный индоарийцами во II тыс. до н. э. Впрочем, эти и другие периоды — включая правление Ашоки, Чингисхана и Бабура — независимо от их мощного влияния на Афганистан, все же в большей степени относятся к общей истории Средней Азии, Ирана и Индии, нежели к собственно афганской истории.

Собственно афганская история в массовом сознании — это нескончаемая война. Очередной этап боевых действий, разразившихся в конце XX в., окончательно превратил Афганистан в *failed state* — несостоявшееся (провалившееся) государство, которое не могло поддерживать собственное существование в качестве жизнеспособной политической и экономической единицы. Разрушенная страна, будто магнит, притягивала мусульманских радикалов, контрабандистов, торговцев наркотиками и оружием. Здесь обосновался Усама бен Ладен. Здесь родились «Аль-Каида»* и «Талибан»*. Казалось, что хаос, нищета и кровопролитие — это естественное состояние Афганистана, и к 1990-м гг. он практически исчез из международной повестки — но в 2001 г. о нем снова заговорил весь мир. Причиной тому послужили теракты 11 сентября в США, организованные «Аль-Каидой»*. Впрочем, к тому времени репутация Афганистана была испорчена давно и безвозвратно. Его воспринимали как рассадник терроризма, центр мирового производства опиума и просто

ужасное место, где человеческая жизнь ценится не дороже оборвавшей ее пули.

Эта многовековая, хроническая сосредоточенность на войне обезличивает афганцев, выдвигая на первый план только воинов и боевиков. В результате Афганистан остается всего лишь декорациями в тысячелетней международной драме, где главные роли исполняют другие, более могущественные игроки. Даже его нынешнее окружение — состоящее в основном из стран третьего мира — может похвастаться выдающимся (по сравнению с Афганистаном) уровнем безопасности и общего развития. Иран, Пакистан, Туркмения, Узбекистан, Таджикистан, Индия, КНР — все они выглядят перспективными и пригодными для жизни на фоне столь неблагоприятного соседа¹.

Сейчас Афганистан является отсталой, нестабильной и опасной страной — где нет промышленности и образования, где не соблюдаются права человека и где царит будничное насилие, которого местные жители даже не замечают (а если замечают, то оправдывают исламом и своими древними традициями). Сегодня мало кто вспоминает, что когда-то покровителем Афганистана считался апостол Фома (согласно апокрифам, он проповедовал на севере — в Бактрии). Или что в Герате, Балхе, Газни и Кабуле проживали богатые еврейские общины (на заре XXI в. в Афганистане осталось только два еврея, а осенью 2021 г. — ни одного). Или что всего полвека назад в Афганистан охотно приезжали хиппи, направлявшиеся к «местам просветления» в Индии и Юго-Восточной Азии (в 1960-х — 1970-х гг. кабульская Чикен-стрит буквально кишела западными туристами).

Помимо «тропы хиппи», через Афганистан исторически пролегали десятки важных маршрутов, включая Великий шелковый путь. Многие афганские населенные пункты возникли благодаря трансконтинентальной торговле, которая велась уже в III тыс. до н. э. В то время налаживались контакты между городами-государствами, расположенными в Сиастане и Китае, в бассейне Амударьи и долине Инда, в евразийских степях и пустынях Месопотамии. Купцы продавали золото, серебро, медь, лазурит, слоновую кость, лошадей, рабов, а позже — и шелк, давший наименование всему торговому маршруту.

¹ См. приложение «Современный Афганистан в цифрах (статистика 2015–2021 гг.)».

Коммерческую деятельность сопровождал интенсивный обмен идеями, технологиями и прочими культурными достижениями. В XX в. археологи находили в Афганистане золотые украшения с изображениями греческих богов и азиатских драконов, а также бронзовые статуэтки быков из Междуречья. В пещерах Бамиана сохранились старейшие в мире рисунки, сделанные масляной краской (они датируются 650 г. до н. э.). Первые упоминания о Газни встречаются в трудах китайского философа и путешественника Сюаньцзана (VII в.), а первые пушки в Афганистане отлили армяне, привезенные из Лахора в XVIII в. Ахмад-шахом Дуррани — создателем афганской государственности. Где-то на склонах холмов, окружающих Кабул, похоронен грузинский епископ; в самой столице же покоится падишах Бабур — основатель империи Великих Моголов. Ежегодно 21 марта афганцы празднуют Новруз¹. В Мазари-Шарифе — одном из красивейших городов страны — Новруз издавна отмечают параллельно с другими доисламскими праздниками: Гул-е Сурх (праздником Красной розы, который связан с шумеро-аккадской мифологией и античными культами Венеры и Адониса) и Вардаваром (армянским торжеством в честь Преображения Господня, перекочевавшим в христианство из почитания языческих богинь любви, воды и плодородия).

В былые времена Афганистан славился не только войнами, но и гератской школой миниатюры, утонченной мистикой и духовностью суфийских орденов, винодельческими традициями, обильными урожаями, чудесными садами и многолюдными базарами. По легенде, афганские арбузы и гранаты доставляли ко двору китайских императоров. Геродот называл Герат «хлебной корзиной Средней Азии». Омар Хайям учился в Балхе.

В Афганистане жили и творили выдающиеся деятели науки (Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни), художники (Кемаль ад-Дин Бехзад), историки (Мирхонд и Хафиз Аbru), мыслители (Нуриддин Абдурахман ибн Ахмад Джамии и Алишер Навои). Фирдоуси — которого афганцы считают своим национальным поэтом — писал в «Шахнаме» («Книге царей»):

... Живи отраднo и светло,
Кабулу не грозит отныне зло.

¹ *Новруз* (перс. نوروز — новый день) — праздник прихода весны по астрономическому солнечному календарю у иранских и тюркских народов.

Фирдоуси создал свою эпическую поэму в Газни — и там же представил ее султану Махмуду Газневи.

Афганистан воистину являлся «солнечным сплетением Евразии». До середины XVIII в. он был не «кладбищем империй», но их перекрестком, где каждый народ оставлял свой след. Однако географическое положение, некогда принесшее этой стране благополучие, впоследствии сыграло с ней злую шутку. Процветание Афганистана как составной части великих держав прошлого закончилось, когда они пали под ударами врагов — либо погибли по другим причинам. Открыв первую страницу своей — сугубо афганской, а не персидской, индийской, тюркской или иной — истории, Афганистан столкнулся с жестокой реальностью, в которой каждый должен заботиться о себе сам.

На планете есть десятки слабо развитых государств, чей ВВП в несколько раз меньше, чем личное состояние Марка Цукерберга. Но мало кого интересуют, например, Бурунди, Лесото или Зимбабве. Вокруг Афганистана же веками не утихают страсти. В древности он представлял собой единственный сухопутный коридор из Средней Азии в Индию и к Персидскому заливу. Сегодня эта страна подобна ключу, открывающему доступ к важнейшим регионам земли. Имея точку опоры в Афганистане, можно оказывать давление на Индию и Пакистан, Китай (а значит, и Дальний Восток в целом), арабский мир и Турцию (и, следовательно, на Ближний Восток), Иран и Среднюю Азию (а через нее — на Россию). Такова первая причина, по которой нищий аграрный Афганистан в наши дни не исчезает из международной повестки. Более того — за минувшее десятилетие он фигурировал в новостях зарубежных СМИ чаще, чем любая другая страна¹.

Вторая причина пристального внимания к Афганистану тоже уходит своими корнями в глубину веков. Исторически страна была геополитическим коридором — однако коридор расчищают и охраняют, но не возделывают. Соответственно, Афганистан сохранил огромные запасы полезных ископаемых, которые раньше никто не сумел (или даже не пытался) добыть. Одни виды минералов залегают в труднодоступных местах, другие человечество начало использовать относительно недавно. Афганские недра богаты железной рудой, медью, золотом, углем, литием

¹ Согласно данным информационного онлайн-ресурса «The Fact File» (по состоянию на 26 июля 2021 г.).

и прочими редкоземельными металлами (в 2010 г. Пентагон окрестил Афганистан «литиевой Саудовской Аравией»). Согласно геологическим исследованиям, на территории страны свыше 1400 месторождений. Помимо всего прочего, они содержат цинк, свинец, тальк, бокситы, пегматиты, хромит, соль, серу, нефть, газ, гипс, мрамор, драгоценные и полудрагоценные камни. В 2019 г. афганское министерство горнорудной промышленности и нефти оценило общую стоимость природных богатств в \$1–3 трлн, но реальная цифра может оказаться гораздо выше.

Иными словами, география — это судьба, и «кладбищу империй» отведена значимая роль в современном мире. Мы попробуем осмыслить исторический путь Афганистана, отыскать истоки его нынешних проблем и определить перспективы развития этой суровой, таинственной и несчастной страны, которую — согласно распространенному мнению — никому и никогда не удавалось завоевать.

ГЛАВА 1

БУДДА В ОГНЕ, БУДДА В ШЕЛКАХ

Каменный век закончился не потому,
что кончились камни.

Ахмед Заки Ямани

Сегодня Афганистан кажется нам далеким и неприветливым. Однако он издавна являлся колыбелью разных культур. Первые люди поселились здесь еще пять тысяч лет назад. Древние охотники, земледельцы и скотоводы установили закономерности развития страны, актуальные до сих пор. Постепенно Афганистан — благодаря своему уникальному географическому положению — превратился в перекресток народов и цивилизаций. Он никогда не был изолирован, и его жители всегда пытались извлечь выгоду из контактов с соседями.

Большинство раскопок в Афганистане проводилось в 1950-х — 1970-х гг. Сначала ими занимались зарубежные историки и археологи, затем к ним присоединились афганские коллеги. Раскопки прекратились в конце 1970-х гг., а в последующие десятилетия об исследованиях и вовсе

пришлось забыть — по причине войны, разрухи и идеологической враждебности афганцев к доисламскому наследию своей родины. Археологические объекты страдают от стихийных бедствий, вандализма и мародерства. Впрочем, по мнению специалистов, стоянки древних людей на территории Афганистана все еще таят в себе множество тайн — но для их изучения нужны деньги и безопасность.

Тем не менее даже ограниченные по масштабам раскопки позволили выявить ранние поселения *Homo sapiens* и, возможно, неандертальцев. Самые ранние находки, датируемые эпохой палеолита, были сделаны в 1970-х гг. — в 240 км к юго-западу от Кабула, возле озера Даште-Навур. На северо-востоке Афганистана — в Дарра-э Куре — нашли инструменты, изготовленные около 50 тыс. лет назад. На юге страны обнаружили керамическую посуду, глиняные фигурки людей и животных, кирпич и медные предметы. В северных предгорьях Гиндукуша и провинции Балх сохранились тысячи каменных и костяных орудий — топоров, скребков, шил и наконечников копий. Некоторые из этих артефактов считаются старейшими в Азии — хотя в Европе и Африке археологи извлекали из земли и более древние экземпляры.

Первобытные земледельцы стали возделывать афганскую почву довольно рано — вероятно, еще в эпоху неолита. Пастухи, одомашнившие овец и коз, положили начало полукочевому скотоводству (оно существует в Афганистане до сих пор). В предгорьях и горных долинах растут дикая пшеница и рожь. Не исключено, что именно отсюда произошли зерновые культуры, которые легли в основу развития великих цивилизаций древности. По крайней мере, раньше Афганистан славился дикими фруктами и орехами — виноградом, яблоками, грушами, персиками, абрикосами, гранатами и миндалем. Многие из них являются предками нынешних одомашненных сортов, выращиваемых по всему миру. Во второй половине XX в. афганцы, обнищавшие из-за войны, уничтожили большинство этих деревьев и кустарников. Плоды употребляли в пищу, а дровами и ветками топили печи.

Артефакты бронзового века (ок. 2000 г. до н. э.) демонстрируют очевидную связь с Индской цивилизацией. Они могли принадлежать к обширной коммерческой и сельскохозяйственной сети, которая поддерживала городские центры Мохенджо-Даро и Хараппа в современном Пакистане. Например, Дех Мораси Гундай — первое доисторическое место, раскопанное в Афганистане (в 27 км к юго-западу от Кандагара), —

знаменито кирпичным храмом, который был посвящен богине плодородия. В поселении Мундигак — центре культуры Гильменда¹ — располагался монументальный комплекс, где, по мнению ряда исследователей, совершались человеческие жертвоприношения. Еще одна интересная локация находится у перевала Хавак, в 240 км к северо-востоку от Кабула — на пересечении торговых путей между Ближним Востоком, Индией и Средней Азией. Здесь археологи нашли золотые и серебряные предметы с изображениями разных животных, которые обитали в этих регионах. Близлежащие месторождения лазурита помогли ученым связать Афганистан с Междуречьем (афганский ляпис использовался в месопотамских украшениях уже в III тыс. до н. э.), а также с Эгейским морем (изделия с афганским ляписом, датируемые II тыс. до н. э., обнаружили в Микенах). Наконец, в Дашли — на севере от Мазари-Шарифа — раскопали крупное поселение бронзового века. Список афганских артефактов пополнился прекрасной керамикой (местного производства и персидской), а также бронзовым и медным оружием.

Письменных источников того периода не сохранилось — поэтому историки точно не знают, на каких языках говорили первые жители поселений. Возможно, они произошли от народов, которые создали развитые цивилизации в Месопотамии или долине Инда. Однако применительно к первой половине II тыс. до н. э. языковая картина несколько прояснилась. Мундигак был дважды разрушен — судя по всему, грабителями, которые проникли на территорию Афганистана с Иранского нагорья либо из Центральной Азии. Город быстро отстроили — но он не выдержал новых атак в середине II тыс. до н. э. В течение следующих двух тысячелетий историю региона изменили повторные вторжения индоиранских кочевников.

Индоиранские (арийские) племена, вероятно, пришли в Афганистан в 2000–1500 гг. до н. э. Их миграция протекала в рамках массового переселения народов — в результате чего индоиранские языки и отчасти культура до сих пор сохранились в Иране и Индии. Сегодня большинство афганцев (кроме узбеков и туркменов) говорит на языках, берущих свое начало от языков арийских захватчиков. Вероятно, многие современные афганцы даже являются их потомками. Население Афганистана всегда

¹ Культура Гильменда в Западном Афганистане была культурой бронзового века III тыс. до н. э.

было малочисленным по сравнению с населением долины Инда — поэтому арии могли просто изгнать местных жителей из некоторых областей страны.

Веды — древнейшие священные тексты индуизма — описывают ариев как скотоводческий народ, возглавляемый воинами, которые владеют железным оружием и ездят на колесницах. Согласно Ведам, арии были организованы в племена, кланы и семьи. Ими управляли лидеры, единогласно избранные на совете взрослыми мужчинами. По легенде, арии основали Балх, назвали его «матерью городов» — и начали торговать оттуда с Китаем, Индией и Персией.

К I тыс. до н. э. ведическую религию — которая позже трансформировалась в брахманизм, а затем и в индуизм — исповедовало большинство жителей Северной Индии и соседних районов Афганистана. Современные афганские языки — например пушту и дары — ближе к языкам Ирана, чем к языкам Индии. Собственно иранские племена ариев могли прибыть в Афганистан во время второй миграции, которая прокатилась через всю страну. Мигранты направлялись в Иран — но оставили в Афганистане свой след. Американско-афганский историк Шайста Вахаб утверждает, что в «Авесте» (священной книге зороастризма) упоминаются топонимы Афганистана — в частности город Балх. Согласно преданию, в Балхе родился, жил и умер Зороастр (Заратуштра / Заратустра) — основоположник зороастризма. Он проповедовал местным арийским племенам и убеждал их поклоняться Ахура-Мазде — единому богу, чьим зримым образом в нашем мире является огонь — главный для человека источник света и тепла. Таким образом, Северный Афганистан можно рассматривать как колыбель зороастрийской религии.

«Авеста» сообщает о набегах с севера. Во время одного из них, по-видимому, Зороастр был убит. Это случилось на рубеже VII–VI вв. до н. э. — и если дата верна, то пророк успел написать «Авесту» в период правления персидского царя Кира II Великого (559–530 гг. до н. э.)¹. Кир являлся потомком полупоэтического вождя Ахемена. Он основал династию Ахеменидов (названную так в честь пращура) и распространял зороастризм в своих обширных владениях, к которым неустанно присоединял все новые и новые завоеванные земли.

¹ Здесь и далее: у правителей и глав государств указаны годы правления.

При Дарии I Великом (522–486 гг. до н. э.) зороастризм стал официальной религией огромной Персидской империи. Он был национальной верой этой блистательной державы вплоть до эпохи Сасанидов — и пришел в упадок только после того, как в середине VII в. Сасанидское государство разгромили арабы-мусульмане. Персия была поглощена Арабским халифатом и надолго утратила независимость. Зороастризм практически исчез. Сейчас его исповедуют небольшие общины в Иране и Индии, а также буквально горстка последователей в Афганистане (хотя по другим сведениям, зороастрийцев там не осталось вовсе). Тем не менее зороастризм ознаменовал переход от языческих культов к монотеизму, который доминирует в мире сегодня. К тому же идеи Зороастра оказали существенное влияние на классическую греческую философию, буддизм, ранний иудаизм, христианство и ислам.

По словам античного историка Арриана (86 — ок. 160), первыми жителями Ближнего Востока, покоровшими афганские земли, были ассирийцы (VIII в. до н. э.). Они правили большей частью Ирана и, возможно, добрались до Кандагара; однако подтверждений этому нет. Ориентировочно в 600 г. до н. э. на Афганистан якобы позарились мидийцы¹. Благодаря кавалерии они создали империю, простиравшуюся от Анатолии и Кавказа до Центральной Азии. Арриан предполагал, что мидийцы захватили также север и запад Афганистана. Но в 550 г. до н. э. Мидийское царство рассыпалось под натиском персов, которые уже приступили к созданию Ахеменидской державы — крупнейшего из известных на тот момент государственных образований.

Согласно западной традиции, изучение истории начинается с Древнего Египта и Месопотамии, а затем перемещается в Грецию и Рим. Мы видим Персидскую империю с позиции западного человека, смотрящего на Восток. Мы узнаем, что Кир Великий взял Вавилон и разрешил вернуться в Иерусалим евреям, изгнанным оттуда вавилонским царем Навуходоносором; что Дарий I завоевал Фракию и вторгся в Грецию; что Александр Македонский привел свою армию из Европы в Азию, дабы отобрать у Ахеменидов их обширные владения. Но половина земель, захваченных Александром, лежала к востоку от Суз, персидской столицы.

¹ *Мидийцы (мидяне)* — древний народ иранского происхождения, который населял *Мидию* — историческую область, расположенную на северо-западе современного Ирана и юго-востоке Турции.

Сатрапии¹ Бактрия на севере Афганистана, Ариана — на западе, Арахозия — на юге и Гандхара — на востоке перечислены в знаменитой Бехистунской надписи², высеченной по приказу Дария I, и названы странами, которые он получил по милости зороастрийского бога Ахура-Мазды. Вместе с Согдианой эти восточные территории (как и весь современный Афганистан) являлись неотъемлемой частью Персии и фигурировали в ее истории и литературе всех последующих эпох.

Таким образом, в Афганистане традиционно было распространено иранское политическое, религиозное и культурное наследие. Дари — один из государственных языков Афганистана — представляет собой форму персидского языка, которая имеет гораздо больше общего с классическим персидским, нежели диалекты, на которых говорят в Иране. Тем или иным диалектом дари владеют 50% афганского населения; он был придворным языком даже при пуштуноговорящих *эмирах*³ и королях XIX–XX вв. Кир Великий посвятил защите своих афганских владений несколько военных кампаний. Во время одной из них персидская армия пересекла пустыню (где могла погибнуть, если бы не помощь местных жителей) и совершила марш-бросок из Южного Афганистана до Баграма. Тогда же Кир построил гарнизонный городок Каписа на северо-западе страны. Помимо того, он сражался со скифскими племенами к северу от Оксуса (Амударьи) и основал там несколько городов; его последняя роковая битва произошла на реке Яксарт (Сырдарья), где двумя столетиями позже Александр Македонский разгромит скифов.

Кир II оставил потомкам невероятную по размерам империю, раскинувшуюся от Инда и Сырдарьи до Эгейского моря и Египта. Он был основателем персидской державы; но Дарий I стал ее объединителем. Будучи сатрапом Парфии — исторической области, которая простиралась по обе стороны нынешней ирано-афганской границы, — Дарий занял престол в результате кровавого переворота и продолжил завоевания. Однако его величайшим достижением являются не военные победы, но

¹ *Сатрапия* — провинция в империи Ахеменидов.

² *Бехистунская надпись* — трехязычный (древнеперсидский, эламский и аккадский) клинописный текст на скале Бехистун, расположенной в Иране между городами Керманшах и Хамадан.

³ *Эмир, амир* (араб. أمير — повелитель) — монарх, принц и/или военачальник; также правитель *эмирата* — небольшого исламского государства или государственного образования.

административные реформы. Дарий реорганизовал армию и разделил державу Ахеменидов на 20 провинций, управляемых сатрапами (губернаторами). Налаженная бюрократическая система обеспечивала сбор налогов с каждого населенного пункта. Страну опоясали широкие дороги, мощенные камнем. Арамейский язык уже был *lingua franca* для Ближнего Востока — но при Дарии появилась персидская письменность (причем сперва в виде клинописи); впрочем, официальным языком необъятных владений Ахеменидов всё равно стал арамейский. Соответственно, Афганистан активно интегрировался в общекультурное и коммерческое пространство Древнего мира.

Персидская история известна нам благодаря грекам и римлянам. Ахеменидские монархи охотно нанимали на службу греческих воинов и чиновников, а греческие колонисты обживались на границах империи, помогая их контролировать. Первые поселенцы добрались до Афганистана на 100 или 200 лет раньше Александра Великого. Впрочем, они не сумели надолго удержать сатрапии к югу и востоку от Гиндукуша в составе империи.

Первым, кто передал нам сквозь века нелестные подробности об Афганистане, был «отец истории» Геродот (484–425 гг. до н. э.). Например, он упоминает жестокое и воинственное племя, населявшее восток страны (иногда его идентифицируют как *пуштунов* — самый многочисленный народ Афганистана, который сейчас составляет от 30% до 50% всего афганского населения). Одежда и оружие этого племени, по свидетельству Геродота, напоминали одежду и оружие бактрийцев; Дарий покорил его во время своей индийской кампании, и племя вынуждено было платить шахиншаху¹ ежегодную дань в размере 170 золотых талантов².

Роль Афганистана как важного транзитного пункта и геополитического коридора проявилась уже в эпоху неолита и индоарийских миграций — и усилилась в результате походов Александра Македонского. Царь-воин мечтал распространить греческие ценности на всю ойкумену и объединить лучшее, что есть на Западе и Востоке, в единую цивилизацию —

¹ *Шахиншах* (شاهینشاہ — царь царей) — древний персидский монархический титул, который приблизительно соответствовал европейскому титулу императора.

² *Талант* — единица массы и счетно-денежная единица, использовавшаяся в античные времена в Европе, Передней Азии и Северной Африке. Золотой персидский талант равнялся 25,2 кг, следовательно, племя каждый год выплачивало Дарию 4284 кг золота.

и колоссальную сверхдержаву под своей властью. В IV в. до н. э. Ахемениды уже не контролировали афганские сатрапии — но тем не менее бактрийцы с севера страны примкнули к армии Дария III, когда тот столкнулся с македонской угрозой. В 331 г. до н. э. их кавалерия под командованием сатрапа Бесса доблестно сражалась в судьбоносной битве при Гавгамелах, что рядом с Эрбилем, — но не смогла предотвратить гибель обреченной империи. Александр присовокупил к своим владениям Вавилон, сжег Персеполис (священную персидскую столицу) и погнал Дария к Каспийскому морю. Он едва не настиг врага — но того закололи сатрапы во главе с Бессом, дабы повелитель не достался Александру живым.

Александр Великий должен был узнать афганцев лучше, чем любых других своих подданных. Из оставшихся семи лет жизни четыре года он провел, сражаясь недалеко от Афганистана. Кроме того, Александр даже женился на бактрийской княжне Роксане. Македонский завоеватель произвел на афганцев сильное впечатление — судя по многочисленным легендам, которые до сих пор рассказывают о нем в разных уголках страны. Имя «Роксана» («Рокшанек») популярно среди новоспеченных афганских родителей — хотя ни молодая супруга Александра, ни его сын не совершили ничего выдающегося.

Македонская армия вошла в Афганистан в 330 г. до н. э., чтобы окончательно подчинить себе персидский мир, — но местные племена и сатрапы оказались очень хитрыми, коварными и мятежными. Александр блуждал по стране и попутно закладывал новые города. На северо-западе он основал Александрию в Ариане (Герат), на западе — Александрию Профтазию (Фарах), на юге — Александрию в Арахозии (Кандагар), в долине Кабула — Александрию Кавказскую (Чарикар или Баграм), а к юго-западу от нее — Александрию в Опиане (Газни).

Тимуридский поэт Алишер Навои (XV в.), воспевавший деяния Александра Македонского, писал в поэме «Стена Искандара»:

Воздвиг он в Хорасане, говорят,
Прекраснейший из городов — Герат.

После двух лет странствий по Центральной Азии полководец вернулся в Афганистан, перейдя Амударью. Он перестроил Балх по эллинскому

образцу и двинулся через Гиндукуш в долину Инда — в земли, почти неведомые грекам. Но в 326 г. до н. э. на реке Бис победоносные и измученные македонские войска взбунтовались и отказались идти дальше. Течение Биса очертило восточную границу мировой державы Александра — державы, которая распалась уже через три года, когда умер ее 32-летний создатель.

После смерти Александра Македонского в Афганистане осталось множество военных и гражданских лиц — только в Бактрии их насчитывалось около 13 тыс. человек. Вскоре страну наводнили колонисты из материковой Греции. Они соблазнились перспективами роскошной жизни, которую обещал диадох¹ Селевк I Никатор (312–281 гг. до н. э.) — преемник Александра на Востоке. В итоге ему удалось организовать одну из величайших мирных миграций в древней истории. Тысячи поселенцев укрепили города, основанные великим завоевателем, и возвели новые. Отныне им предстояло олицетворять эллинистическую культуру на огромных территориях вплоть до Индии и Центральной Азии.

Между тем диадохи разделили империю своего покойного господина. Селевку досталась сатрапия Вавилония — но в результате серии войн он присоединил к своим владениям почти все ближневосточные территории, ранее захваченные Александром. Сам Селевк стал родоначальником династии Селевкидов. В лучшие годы его государство включало в себя часть Малой Азии, Сирию, Финикию, Палестину, Месопотамию, Иран, а также части Средней Азии и современного Пакистана. Но в 303 г. до н. э. Селевк потерпел сокрушительное поражение от Чандрагупты Маурьи (322–298 гг. до н. э.) — первого объединителя Индии и основателя империи Маурьев. Бывшему диадоху пришлось уступить Чандрагупте львиную долю земель к югу от Гиндукуша; однако Бактрию он сохранил. В знак примирения удовлетворенный Чандрагупта подарил Селевку 500 слонов. Оба государства установили прекрасные отношения, и города на севере Афганистана процветали.

Греческие колонисты, осевшие в Бактрии, — или, как их называют, греко-бактрийцы, — вскоре избавились от правления Селевкидов. Причиной тому послужило образование Парфянского царства. Оно выросло из селевкидской сатрапии Парфия и к середине I в. до н. э. распространило

¹ *Диадохи* — полководцы Александра Македонского, которые разделили его империю в ходе серии войн, длившихся с 323 г. по 301 г. до н. э.

свою власть от Месопотамии до границ Индии. Новое государство представляло собой барьер между Афганистаном и грекоязычным Западом. Наконец после 250 г. до н. э. греко-бактрийцы обрели полную независимость. В течение двух поколений их потомки правили всем Афганистаном к северу от Гиндукуша и значительной частью Центральной Азии. О Греко-Бактрийском царстве, возникшем на руинах селевкидских владений, знали даже в Китае — ибо эллины регулярно грабили приграничные китайские районы (по крайней мере, так утверждает греческий историк Страбон). Изображения греческих солдат действительно встречаются на предметах китайского искусства того периода.

Китайцы по достоинству оценили воинственных соседей. Интересно, что китайских императоров впечатлила вовсе не жестокость эллинов, но рассказы об их развитых городах, где люди жили в достатке и пользовались новейшими техническими достижениями своей эпохи. Тогда Китай располагался в «варварской зоне» и был окружен агрессивными кочевыми племенами, от которых пытался отгородиться Великой стеной. Таким образом, контакты с греко-бактрийцами являлись для китайцев одними из первых регулярных контактов с иными представителями цивилизованного мира. Именно в то время афганские торговцы стали богатеть на продаже медно-никелевого сплава (в Китае его использовали для производства доспехов, а в Греко-Бактрии — для чеканки монет). Позже китайцы привозили в Бактрию ткани и обменивали их на вино, сладкие плоды и породистых лошадей, необходимых для охраны границ. Афганские купцы выступали посредниками в подобных сделках. К тому же, во II в. до н. э. в Азии зарождался Великий шелковый путь — источник коммерческой прибыли для предприимчивых афганцев, который будет — хоть и с перерывами — кормить их следующие 1700 лет.

Великий шелковый путь не только представлял собой торговый маршрут, но и обеспечивал межкультурную коммуникацию. Индийские религиозные идеи, модифицированные эллинами, проникли в Китай, а оттуда распространились по Восточной Азии. Французские археологи, проводившие раскопки на северо-востоке Афганистана, обнаружили в районе Дашти-Кала греко-бактрийский город Ай-Ханум (Александрию Оксианскую). Это был настоящий полис — с театром, гимнасием¹, хра-

¹ *Гимнасий* — воспитательно-образовательное учреждение в Древней Греции.

мом Зевса, античным святилищем, мраморными статуями и домами, украшенными коринфскими колоннами и персидской резьбой по камню. Но в 1978 г. раскопки свернули — и на городище 20 лет орудовали местные жители, которые искали несметные сокровища, якобы спрятанные под руинами Александрии Оксианской. Афганцы нанесли непоправимый ущерб культурному слою. В 2000 г. талибы и вовсе снесли городище бульдозерами.

Естественное и неизбежное угасание Греко-Бактрийского царства сопровождалось усвоением его традиций другими эллинистическими государствами. Их перенимали и отдельные династии, чьи земли тянулись на юг — к Индийскому океану. Торговлю по Великому шелковому пути продолжил птолемеевский Египет, основанный еще одним диадохом (а по легенде, и единокровным братом) Александра Македонского — Птолемеем I Сотером (323–283/282 гг. до н. э.). Тем не менее в 180 г. до н. э. греко-бактрийский царь Деметрий I значительно расширил свои владения. Он дождался ослабления Маурьев, двинулся на юг, преодолел хребты Гиндукуша — и вторгся в Северную Индию. На карте появилось Индо-греческое царство, которым на протяжении двух столетий правили индо-греческие монархи. Многие из них — как в частности прославленный полководец Менандр I (165–130 гг. до н. э.) — приняли буддизм. Вообще учение Будды сыграло немаловажную роль в цивилизации восточных греков, которая на пике своего развития (ок. 150 г. до н. э.) раскинулась от Ганга до Аральского моря.

В 125 г. до н. э. Греко-Бактрийское царство не выдержало натиска скифов и кушанов. Индо-греческое царство продержалось до 10 г. — но затем тоже рухнуло под их ударами. Греки утратили территории к северу и югу от Гиндукуша. Постепенно греческий язык исчез из Афганистана — хотя, впрочем, афганские крестьяне никогда им не владели. Эллинские колонисты смешались с местным населением. Однако среди жителей горных долин Нуристана — региона на границе между Афганистаном и Пакистаном — до сих пор много людей со светлыми или рыжими волосами и голубыми глазами.

Исторически Нуристан назывался Кафиристаном («страной кафиров», т. е. «неверных» — немусульман). Нуристанцев именовали «кафирами» — ибо они до конца XIX в. исповедовали политеизм, обладали собственной культурой и были независимы от Афганистана. В 1895–1897 гг. эмир Абдур-Рахман подчинил Нуристан Кабулу и насильно обратил тамошнее

население в ислам. Западные путешественники, впервые столкнувшиеся с нуристанцами до этих событий, полагали, что обитатели горных равнин являются потомками македонских воинов. Легенды коренных народов Нуристана напоминали европейцам древнегреческую мифологию, а их языческие культы — почитание богов в античной Элладе.

В Кафиристане происходит действие рассказа Редьярда Киплинга «Человек, который хотел быть королем». По сюжету, в 1885 г. два британских солдата-авантюриста, служащие в Индии, решают проникнуть в Нуристан и стать его правителями. После долгого и трудного пути они оказываются в стране горцев-язычников, свято чтущих память об Искандере (Александр Великом). Обманув вождя и жрецов, англичане достигают вершин власти и получают золото Александра Македонского. Но один из них, провозглашенный богом-королем, забывает о своей человеческой природе, берет в жены местную красавицу (которую, конечно же, зовут Роксана) и собирается основать собственную династию. Обман раскрывается, и самозванцы погибают. Первый бросается со скалы, а второй — сумевший выбраться из Кафиристана — умирает в приюте бедняков.

Теория о происхождении нуристанцев от македонян не подтвердилась. Возможно, нуристанцы — жившие в изоляции по географическим причинам — просто сохранили свою древнюю индоевропейскую внешность (которая напоминала греческую). Не исключено, что когда-то подобная внешность была типичной для населения Афганистана — но последующие вторжения в страну и постоянное смешение разных народов изменили фенотип афганцев, стерев с их лиц европейские черты. Аналогичным образом изменилась внешность и культура греков. В современной Греции никто не поклоняется Зевсу, и большинство ее обитателей — отнюдь не блондины (если они действительно были таковыми в эпоху классической Античности).

До того, как греческие цари покорили Северную Индию, Южный Афганистан в течение 150 лет входил в великую империю Маурьев. Ее создатель Чандрагупта, как мы помним, разбил армию Селевка I Никатора и вытеснил эллинов за Гиндукуш. Внук Чандрагупты, Ашока (273–232 гг. до н. э.), продолжил дело деда и покорил почти всю Индию — но никогда не нарушал границу с греками. Однако, если верить преданию, в его завоевательных походах пало множество людей (например, в последнем было убито 100 тыс. человек). Царь, охваченный

ужасом и раскаянием, отрекся от индуизма (веры своих предков), принял буддизм¹ и посвятил остаток жизни тому, чтобы править мудро и гуманно. Одержимый миссионерским рвением, он строил буддийские храмы, щедро жертвовал монастырям (вследствие чего, по легенде, разорил казну) и посылал проповедников в Бирму (Мьянму), Шри-Ланку и греческие города по всему восточному эллинистическому миру. Благодаря усилиям Ашоки буддистская община сформировалась даже в Александрии (Египет). В буддистской традиции он считается идеалом благочестивого монарха.

Ашока сделал для превращения буддизма в мировую религию больше, чем кто бы то ни было за всю историю человечества. В своей империи царь воздвиг десятки (если не сотни) колонн с буддийскими надписями² (они известны как колонны или столпы Ашоки). Одну из них обнаружили в 1958 г. под Кандагаром. Столп украшала надпись на греческом и арамейском (последний являлся официальным языком Персидской империи и широко использовался в Западной Азии вплоть до римской эпохи). Другие колонны находили недалеко от Джелалабада — на востоке Афганистана. Надписи на афганских столпах Ашоки восхваляют дхарму³, осуждают жестокость по отношению к людям и животным и призывают к умеренности.

После смерти Ашоки государство Маурьев ослабло. Воспользовавшись этим, греко-бактрийский царь Деметрий I захватил Северную Индию и создал Индо-греческое царство (180 г. до н. э.). Спустя семь лет Брихадратха — последний правитель империи Маурьев — был убит своим военачальником, и индуисты, пришедшие к власти, начали преследовать буддистов. Конфликт зародился еще при Ашоке. Обратившись в буддизм, царь игнорировал характерную для индуизма кастовую систему, запретил жертвоприношения и всячески подрывал позиции брахманов (жрецов). Когда Ашока умер, брахманы за несколько столетий уничтожили память о первом объединителе Индии, который собрал под

¹ Ашока был первым царем Индии, который осознал важность буддизма в укреплении своего государства и всячески способствовал распространению этой религии.

² Эти надписи также называют эдиктами Ашоки.

³ *Дхарма* — одно из ключевых понятий индийской философии. В зависимости от контекста слово «дхарма» можно перевести как «праведность», «моральные устои» и т.д.

своим скипетром больше индийских земель, чем любой другой монарх, — кроме британской королевы Виктории (1837–1901). Зато Ашоку почитали благодарные правители Китая, Камбоджи, Цейлона и других зарубежных стран, принявших буддизм под его влиянием. В историю же Ашоку вновь вписал англичанин Джеймс Принсеп, который в 1837 г. расшифровал надписи на буддистских колоннах.

Если на большей части Индостана буддисты подвергались гонениям, то в Северной Индии и Афганистане они могли свободно исповедовать свою религию. Слияние эллинистического и буддийского искусства и философии шло своим чередом. Оно началось при содействии греко-бактрийцев и Маурьев, продолжилось в Индо-греческом царстве и воистину расцвело в Кушанском царстве, которое образовалось на развалинах Греко-Бактрии.

Огромное Кушанское царство (или, как его еще называют, Кушанская империя) просуществовало почти 500 лет. Оно занимало значительную часть Средней Азии, Афганистан, Пакистан и Северную Индию. Здесь зародились гандхарское искусство и буддизм Махаяны¹. Однако даже такое богатое и могущественное государство появилось в итоге набегов кочевников и массовых миграций.

III век до н. э. ознаменовался кровопролитными беспорядками и ожесточенными конфликтами между кочевыми народами Монголии, Синьцзяня и Средней Азии. Полчища парфян, скифов и хунну² обрушились на оседлых обитателей азиатских районов. Причины такого «обострения» до сих пор не ясны. Согласно одной гипотезе, Великая Китайская стена — построенная китайским императором Цинь Шихуанди для защиты от хунну — изменила привычные миграционные маршруты. Вторая версия гласит, что засуха вызвала голод и кочевники ринулись добывать себе пропитание. Если верить третьей теории, то, наоборот, благоприятный климат способствовал демографическому взрыву среди кочевых народов.

Во всяком случае, первыми прорвались в Афганистан скифы — которые, по-видимому, просто вимали с местных крестьян натуральный

¹ Буддизм Махаяны — одно из двух главных направлений буддизма.

² Хунну — кочевой народ, населявший степи к северу от Китая. В IV в. нападения гуннов (потомков хунну) на Европу стали одной из причин Великого переселения народов.

оброк. Исторические хроники сообщают о большом количестве скифов в Пуштунистане («стране пуштунов») — области, населенной пуштунами и их непосредственными предками с I тыс. до н. э. Приблизительно с III в. эту область стали называть Афганистаном¹. Этногенез пуштунов и даже формирование протопуштунских племен еще до конца не изучены — поэтому не исключено, что пуштуны являются потомками скифов.

Вскоре за скифами в Афганистан устремились кушаны. Их племя было частью племенной конфедерации, известной под китайским наименованием «юэчжи». Юэчжи жили в Синьцзяне, но во II в. до н. э. они начали проникать в Афганистан и вскоре потеснили греко-бактрийских царей. В дальнейшем кушанский вождь Куджула Кадфиз собрал под своими знаменами несколько племен, двинулся на Бактрию и взял ее столицу Ланьши (сейчас это городище Шахринав в Таджикистане). Куджулу Кадфиза (Кадфиза I) считают основателем Кушанской державы. Его подданные переняли греческий алфавит, но, по-видимому, сохранили свою религию, представлявшую собой разновидность зороастризма.

Кадфиз I жил на разломе эпох — между доисторическими временами и нашей эрой. При нем кушаны сражались с парфянами и утвердились в ряде областей за Гиндукушем. Но правнук Кадфиза, Канишка I (100–144), добился еще больших военных успехов. Этот монарх расширил границы империи и руководил ей из трех столиц (в том числе из Балха и Баграма). Власть Канишки распространялась на Афганистан и Пакистан, Бухару и Самарканд, Ферганскую долину и Таримскую равнину, а также на Северную Индию. Отныне все наземные коммерческие маршруты, связывавшие три центра цивилизации Старого Света, пролегали через одно государство — и сходились в Афганистане. По Великому шелковому пути товары везли с Востока на Запад и с Запада на Восток. Вдоль караванных дорог вырастали новые города. Римская империя экспортировала золото, серебро, шерсть, лен, топазы, кораллы, ладан, стекло и вино. Индия продавала хлопок, индиго, пряности, благовония, жемчуг, слоновую кость, полудрагоценные камни, кашемир и стальные мечи. Китай торговал шелками, фарфором, сибирским и маньчжурским

¹ По мнению афганского историка Абдулы Хая Хабиби (1910–1984), понятие «Пуштунистан» совпадает с понятием «Афганистан» в значении, употреблявшемся со Средних веков до начала XX в.

мехом, нефритом и специями. Кроме того, каждый регион поставлял свою уникальную керамику и прочие изделия местных ремесленников, которые высоко ценились по всему миру. Сегодня же самым ярким — и, по иронии, немым — доказательством великолепия Шелкового пути являются различные старинные вещи, которые изредка находят в Северной Европе и китайских провинциях.

Баграм — летняя столица Канишки — располагался на индийском направлении караванных путей. Археологи, в 1930-х — 1940-х гг. раскопавшие королевский дворец, обнаружили бесценную коллекцию, которая насчитывала свыше двух тысяч предметов: индийские резные панно из слоновой кости, китайские лакированные шкатулки времен династии Хань, греческие медальоны, римские бронзовые статуи, египетское серебро, финикийские стеклянные сосуды... Но еще больше потрясают воображение образцы индо-греческого (гандхарского) искусства. Гандхара — это регион на северо-востоке Афганистана, возле пакистанской границы. Здесь отыскивали сотни скульптур, барельефов и иных архитектурных элементов. На них высечен Будда, которого ранее изображали лишь символически — в виде лотоса, колеса, свастики либо отпечатка человеческой ступни. Гандхарский Будда выглядит как безмятежный бог, напоминающий Аполлона. Его прическа, одежда, а иногда и поза переданы в стиле эллинистического реализма — но черты лица индийские. Гандхара была колыбелью буддийского искусства, а ее шедевры — эталоном для буддистских художников со всей Восточной Азии. Наибольшую известность приобрели две монументальные статуи Будды — высотой в 36 м и 53 м, — высеченные в скале в Бамиане (Центральный Афганистан), на торговом пути в Балх. Статуи окружали монастырские пещеры; тысячи монахов жили тут даже в VII в. — накануне арабского завоевания и пришествия в страну ислама. Предание гласит, что в Бамиане проповедовал и самопровозглашенный персидский пророк Мани (216–274/277) — основоположник нового синкретического вероучения (манихейства).

Древний мир — от Рима до Китая — представлял собой бурлящий котел, где причудливым образом переплавлялись религии, мистические откровения и сакральные практики. Канишка I покровительствовал буддизму — но параллельно поддерживал индуизм, зороастризм и персидский культ Митры. Поклонение греческим героям (например Александру Македонскому) вкупе с античной философией стоицизма обусловило

новый взгляд на Будду и его вероучение. Буддийские представления об уважении к слабым и прощении грешников, закрепленные в эдиктах Ашоки, предположительно повлияли на раннее христианство через греческих посредников. В образе жизни Будды и готовности бодхисаттв¹ терпеть муки реинкарнации ради помощи другим людям можно усмотреть предпосылки истории Иисуса.

Как известно, империи сменяют друг друга. В III в. Кушанское царство пало под ударами новой персидской династии — Сасанидов. Ее основатель Ардашир I (224–241) опирался на племена Южной Персии, которые желали воскресить былую славу Ахеменидов. Свергнув ненавистных парфян и заняв трон, монарх вернул в состав персидского государства Западный и Южный Афганистан. Кушаны пытались удержаться на севере Индии — но оттуда их выдавливали индуистские правители Гупты. В лучшем случае потомки блистательного Канишки I возглавляли сасанидские сатрапии. Буддизм медленно угасал в кушанских анклавах на севере Афганистана — а после арабского вторжения и вовсе перестал играть сколько-нибудь значимую роль в этой стране.

Жалкие остатки кушанского мира уничтожили эфталиты (византийский хронист Прокопий Кесарийский называл их «белыми гуннами»). Возможно, эфталиты пришли из Монголии и были этнически связаны с гуннами, которые терроризировали Европу и Ближний Восток. В середине V в. орды диких кочевников пересекли Амударью — и посеяли ужас в сердцах оседлых народов не только своей звериной жестокостью, но и устрашающим внешним видом. Если верить древним преданиям, они туго перевязывали головы собственным детям, дабы деформировать черепа. Мальчикам резали щеки, чтобы их лица покрылись уродливыми шрамами. Обычные крестьяне и пастухи никогда не видели таких чудовищ; на Западе гуннов поначалу даже не считали людьми.

Варвары неудержимым потоком прокатились по Афганистану и Северной Индии. По легенде, они разрушали все на своем пути, сжигали целые города и вырезали население. Эфталитское государство имело децентрализованный характер — каждое удельное княжество управлялось наследственной династией и чеканило собственные золотые либо

¹ *Бодхисаттва* — буддистское понятие, обозначающее человека на высшей ступени пробуждения, который решил стать буддой для блага всех живых существ.

серебряные монеты. В то же время, по многочисленным китайским свидетельствам, «белые гунны» не знали грамоты¹.

Эфталитам не удалось создать полноценную империю. Их административная столица перемещалась вместе с царем то в Пайкенд, то в Кундуз, то в Балх. Наконец в 565 г. шахиншах Хосров I (531–579) при содействии тюркских племен разбил «белых гуннов». Бой длился восемь дней — но участь эфталитов была предрешена. Афганистан превратился в часть сасанидской Персии. После тысячелетий войн и иных потрясений страна вновь оказалась под неусыпным контролем индоиранских правящих элит — персов-зороастрийцев на западе и индуистов на востоке. Но спустя век арабы-мусульмане навсегда изменили течение афганской истории.

¹ Согласно другим источникам, эфталиты пользовались «варварскими письменами», а также согдийской, бактрийской и иными видами письменности.

ГЛАВА 2

КРОВАВЫЙ ПОЛУМЕСЯЦ

Луну сменяет новая луна:
Такая смена богом создана.
Луна идет на убыль постепенно,
А все ж она вовеки неизменна.

Фирдоуси. Шахнаме

По мнению западных историков, в 476 г. — с падением Рима — закончилась эпоха Античности и началось Средневековье. Но для земель к югу и востоку от Европы — вплоть до Центральной и Южной Азии — больше подходит другая дата: 632 г. В этот год умер Мухаммед (основатель и пророк ислама), и его последователи совершили первые набеги из пустынь Аравийского полуострова на издавна заселенные земли Плодородного полумесяца. В течение следующих 20 лет арабские армии сражались в 2500 км от Афганистана. На заре VIII в. арабы уже правили халифатом — гигантской империей, простиравшейся от Испании до Средней Азии; но им потребовалось не менее 150 лет, чтобы покорить афганские племена.

Арабы быстро захватили огромную часть ойкумены. В каком-то смысле они напоминали многих предыдущих завоевателей — от индоиранцев

до готов и гуннов — ударную силу которых составляли кочевые и полукочевые племена. Кочевники были очень мобильными и умело пользовались слабостью своих более цивилизованных врагов. Арабам помог давний конфликт между Византией и Сасанидами. После десятилетий жестокого противостояния армии обоих государств были обескровлены, а сокровищницы — опустошены. Персия к тому же переживала политический и социальный кризис. Народы, ранее покоренные византийцами и персами, не хотели защищать своих правителей. Многие христиане в Сасанидской державе — как и многие евреи и копты в Византийской империи — считали арабов своими освободителями.

Впрочем, Великие арабские завоевания VII–IX вв. обладали одной важной особенностью. Хорошо известные, заурядные мотивы вторжений — жажда власти, славы и богатства — впервые переплелись с идеологическим и религиозным фанатизмом. Пророк Мухаммед объединил племена Аравии для того, чтобы они распространили по миру ислам, — и с каждой новой победой арабы все больше убеждались в истинности своей миссии.

Наследие Мухаммеда оказалось гораздо долговечнее военной мощи арабов. Период их превосходства длился менее 300 лет — и подразумевал не только триумфы, но и поражения (например, в битве при Пуатье осенью 732 г. или в результате двух неудачных осад Константинополя в VII–VIII вв.). На Востоке арабский язык закрепился всего лишь в радиусе нескольких тысяч километров — от западного берега Евфрата до восточного берега Тигра и от Сирийской пустыни до побережья Средиземного моря. Но ислам возобладавал в древнейших центрах цивилизации — Египте, Месопотамии и долине Инда. Новые кочевники-захватчики — тюрки и монголы в Азии, а также берберы в Африке — приняли учение Мухаммеда и, в свою очередь, принялись его распространять. В Афганистане ислам вытеснил все предыдущие религиозные традиции. Мусульманские обычаи и законы укоренились повсеместно. Старые виды письменности получили арабский алфавит, многие арабские слова вошли в местные языки. Ислам оказался ключевым — если не единственным — фактором, который связал афганские народы.

Вскоре после смерти Мухаммеда арабы вырвали Сирию у византийцев и двинулись в Месопотамию. Они разгромили Сасанидов в судьбоносной битве при Кадисии (636) и взяли персидскую столицу Ктесифон (близ современного Багдада). Остатки вражеской армии были уничтоже-

ны спустя шесть лет под Нехавендом — на северо-западе Ирана. Преследуя последнего сасанидского шахиншаха Йездигерда III, арабские войска пересекли Северный Афганистан и аннексировали регион Систан на юго-западе страны.

В 651 г. или 652 г. Йездигерда зарезал простой мельник — он прельстился драгоценностями измученного монарха, который опрометчиво заночевал на мельнице возле города Мерв. Труп царя царей сбросили в арык. Сасанидская держава пала; однако арабам еще предстояло подчинить ее население. Мятежные восточные провинции охватывали большую часть Афганистана.

Арабы усмирили бунтовщиков — но персы и афганцы не торопились принимать ислам. Конечно, горожане соблазнились экономическими преимуществами, которые сулило обращение. Евреи и христиане-монофизиты тоже с легкостью признали, что «нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его». Однако персидские землевладельцы и крестьяне сохраняли свои вероубеждения до IX в. Афганцы — будь то зороастрийцы, буддисты, индуисты или язычники — сопротивлялись еще активнее; они собирали маленькие отряды и нападали на захватчиков, причиняя им мизерный, но постоянный ущерб.

Арабский халифат являлся теократическим исламским государством. Немусульманам предлагалось три варианта действий: принять ислам, по-прежнему исповедовать свою религию и платить специальный налог (джизью) — либо умереть. Многие афганские и персидские зороастрийцы бежали в Индию в VIII в.; те, кто остался, сплотились в крошечные тайные общины. Во второй половине VII в. арабы присоединили к своему государству Герат и Балх — в то время там насчитывалось около сотни буддийских монастырей. Все они были разрушены, а монахи — изгнаны или убиты. В 653 г. или 654 г. омейядский¹ полководец Абд ар-Рахман ибн Самар привел 6000 солдат к крупному святилищу в нынешней провинции Гильменд и попытался убедить местных жителей обратиться в ислам. С этой целью Абд ар-Рахман сломал идолу руку и вырвал рубины, вставленные вместо глаз. По логике военачальника, местные жители должны были понять, что их боги бесполезны, — но афганцы почему-то

¹ Омейяды — династия, правившая Арабским (Омейядским) халифатом в 661–750 гг.

сделали совершенно другой вывод. Люди Абд ар-Рахмана заплатились своими жизнями за осквернение святыни.

Походы на Кабулистан в 660-х — 670-х гг. не принесли мусульманам желаемого результата. Омейяды жаждали территориальных приобретений — и эту жажду не утоляли ни богатая военная добыча, ни дивные кони, увезенные из Кабульской долины. Кабул-шахи¹ не только успешно отбивали вражеские атаки, но и регулярно громили неприятеля. Они вышвырнули арабов из Забулистана (667), подняли восстание в Балхе (671), взяли в плен несколько арабских наместников (680-е гг.) и атаковали халифат, раздираемый гражданской войной². В исторических хрониках кабульских монархов часто называют *рутбилами* — в честь Рутбила (Ратбаля), яркого представителя династии Зунбиль. Он активно вмешивался в дела Арабского халифата и всячески препятствовал распространению ислама. Рутбил превратил Систан в «дурную границу» для арабов — в последний рубеж, за которым мусульманская экспансия была невозможна. В арабском фольклоре он стал героем многих сказок и преданий о завоевании Южной Азии.

В арабо-афганском противоборстве больше всего доставалось наместникам Систана. Они гибли на поле брани, попадали в плен, теряли солдат, а иногда и платили дань кабул-шахам. В 698 г. новый наместник Убайдулла ибн Абу Бакр решил покончить со своевольными рутбилами, собрал 20-тысячное войско и двинулся на Кабул. Армия долго шла по горам — но в 100 км от города афганцы заблокировали ее, перекрыв все пути поступления фуража и продовольствия. Голод вынудил Убайдулла пойти на переговоры с правителем Кабулистана. Стороны заключили унижительный для арабов мир: Убайдулла послал рутбилу деньги и поклялся не нападать на Кабулистан. Некоторые арабские командиры не выдержали такого позора и приказали солдатам атаковать врага — но афганцы их перебили. Убайдулла с остатками армии вернулся домой — причем до Систана добрались только пять тысяч арабов. Посрамленный военачальник вскоре заболел и умер.

¹ *Кабул-шахи* — неисламские правящие династии Кабулистана: Зунбиль и Хиндушах.

² Речь идет о Второй фитне (680–695) — периоде масштабных политических и военных столкновений, которые поразили Омейядский халифат после смерти халифа Муавии I.

Разгневанный омейядский губернатор Абу Мухаммед аль-Хаджадж ибн Юсуф ас-Сакафи сделал систанским наместником Абд ар-Рахмана ибн аль-Ашаса — и велел ему стереть Кабулистан с лица земли. Но если аль-Хаджадж требовал отомстить рутбилу немедленно, то аль-Ашас, наученный горьким опытом своего предшественника, действовал очень осторожно. Губернатор окончательно впал в ярость и пригрозил снять с должности нерасторопного чиновника — однако тот взбунтовался и заключил союз с кабул-шахом. В 701 г. аль-Хаджадж (чье имя переводится с арабского как «костолом») утопил мятеж в крови, и побежденный аль-Ашас бежал в Кабул. Впрочем, рутбил вскоре помирился с Омейядами и выдал им своего бывшего союзника.

После разгрома Убайдуллы ибн Абу Бакра и мятежа Абд ар-Рахмана ибн аль-Ашаса Омейяды распрощались с надеждой овладеть всем Афганистаном. Западные и северные районы были включены в состав арабской державы, там распространился ислам, а в городах поселились арабы. Кабулистан отстоял свою независимость — рутбилы продолжали править Кабульской долиной, Гандхарой и Западным Пенджабом. Горные княжества и племена в центре и на востоке страны тоже располагались вне границ халифата. Местное население уверовало в Аллаха только в IX–XII вв.

Афганцы стали лучше относиться к исламу при Аббасидах, которые в 750 г. сменили Омейядов и воцарились в Багдаде. Аббасиды были арабами, но прийти к власти им помог персидский полководец Халид ибн Бармак — командующий мусульманской армией в Хорасане. Исторически персидское влияние на Афганистан трудно переоценить — поэтому персы и афганцы заняли видное место в политической и духовной жизни Аббасидского халифата. Ислам перестал быть сугубо «арабским проектом» — его обогатили персидские традиции, которые в значительной мере определили научное и художественное развитие мусульманского мира. Эта эпоха известна как Золотой век ислама; она длилась с середины VIII в. по середину XIII в. — и на ее заре Арабский халифат являлся крупнейшим государством своего времени. В рамках халифата сложилось общемусульманское культурное пространство, которое продолжало существовать и после его распада. К тому же достижения исламских ученых во многом обусловили территориальный масштаб их державы. Великие цивилизации Древнего мира славились открытиями и изобретениями в области физики, химии, математики и прочих отраслей знания.

Теперь интеллектуальное наследие ассирийцев, египтян, греков и иных народов оказалось в руках мусульман. Даже название валюты халифата — дирхам (араб. درهم) — представляет собой арабизированное греческое слово «драхма».

Большинство арабоязычных писателей и ученых того периода имело персидские либо афганские корни (например, знаменитый математик, астроном и географ Абу Абдуллах аль-Хорезми — уроженец Хивы — судя по всему, происходил из рода зороастрийских жрецов). Вообще Золотой век ознаменовался небывалым расцветом торговли и возрождением персидской культуры (правда, в ее исламизированном виде). Главными центрами науки, искусства и философии стали восточные города — Герат, Балх, Бухара и Самарканд.

Огромная держава Аббасидов начала разрушаться после смерти легендарного халифа¹ Харуна ар-Рашида — героя сказок «Тысячи и одной ночи» — в 809 г. Его преемники сохраняли формальную власть еще 450 лет — но участь государства в целом была предрешена. К середине IX в. в восточных провинциях халифата возникли полунезависимые княжества. В 821 г. аббасидский полководец Тахир ибн Хусейн ибн Мусаб провозгласил себя эмиром Хорасана Тахиром I и основал собственную династию. Тахириды правили Хорасаном до 873 г. — но в 867 г. они потеряли свою столицу, Герат, откуда их выбил Якуб ибн Лейс ас-Саффар. В молодости Якуб нанялся в подмастерья к меднику (отсюда его прозвище «саффар» (араб. الصفار — литейщик, т. е. тот, кто отливает медь²). Но скудный ежемесячный заработок в 15 дирхамов не устраивал амбициозного юношу. Он сколотил банду и промышлял разбоем, но затем примкнул к вооруженным отрядам, которые боролись в Систане с хариджитами³. Обретя могущество, ас-Саффар бросил вызов Тахиридам — и победил. В 870 г. он взял Кабул — и сломал хребет индуистскому и буддийскому сопротивлению. Память о гордом Кабулистане сохранилась в красивых и кровавых восточных легендах — а также в романе Жюль Верна «Робур-завоеватель» (1886). Спустя тысячу лет после падения Кабула — и за пол-

¹ Халиф (араб. خليفة — наместник) — светский и духовный глава мусульман всего мира; правитель халифата (теократической мусульманской империи).

² Слово «саффар» образовано от слова «суфр» (араб. لصفير — медь).

³ Хариджиты — представители первой в истории ислама группировки, которая отделилась от основной части мусульман. Движение хариджитов возникло в 657 г.

века до изобретения вертолета — французский фантаст опубликовал произведение, где главный герой совершает кругосветное путешествие и пролетает на вертолете над Афганистаном, который назван Кабулистаном.

Государство Саффаридов просуществовало всего 39 лет. В 900 г. Амра — брата и преемника Якуба — в битве при Балхе разгромил эмир Исмаил Самани из династии Саманидов. Саффарида превратились в саманидских вассалов и по-прежнему правили Систаном — но для истории они навсегда отошли на второй план. Саманиды же сделали невозможное для Центральной Азии — не воевали почти 100 лет. Под их покровительством расцвели Балх и Самарканд, Мерв и Нишапур. Эмиры привечали искусных ремесленников, трудолюбивых каллиграфов, предприимчивых купцов и талантливых архитекторов. Обласканные властью поэты предпочитали жить в Бухаре — для восточных людей этот город заменил блистательный имперский Багдад, бывший «центром мира» при Аббасидах. Арабский филолог Абдул-Малик ас-Саалиби (961–1038) нарек Бухару «обителью славы, Каабой владычества, местом собирания выдающихся людей эпохи»¹. Лучшим доказательством саманидского великолепия являлись литераторы, ученые, врачи, историки — Фирдоуси, аль-Бируни, Ибн Сина (Авиценна) и многие другие. «Отец персидской поэзии» и основоположник таджикской литературы Рудаки восхвалял мудрых и щедрых монархов:

Сегодня Бухара — Багдад: в ней столько смеха, ликований!
Там, где эмир, там торжество, он гордо правит в Хорасане!

Ты, кравчий, нам вино подай, ты, музыкант, ударь по струнам!
Сегодня буду пить вино: настало время пирований!

Есть райский сад и есть вино, есть девушки — тюльпанов ярче,
Лишь горя нет! А если есть — ищи его во вражьем стане!

¹ Примечательно, что средневековые арабские купцы называли Бухару «Абу Хара» (араб. أبو خراء — отец дерьма). Причина — в устройстве местных туалетов. В Бухаре подземные воды расположены близко к поверхности земли, поэтому здесь насыпали искусственные холмы. На вершине такого холма проделывали отверстие, а под ним ставили большой глиняный сосуд. По заполнении сосуда меняли. В итоге на бухарских улицах всегда дурно пахло.

В саманидском Хорасане жила и Рабиа Балхи (X в.) — признанная красавица и первая женщина-поэтесса в истории персидской литературы исламского периода. По легенде, Рабиа влюбилась в раба и показала посвященное ему стихотворение Рудаки, с которым была знакома. Рудаки прочитал стихи на пиру у эмира Насра II. Восхищенный повелитель спросил, кто автор этих чудесных строк, — и услышал в ответ, что их написала Рабиа, дочь его полководца, воспылавшая страстью к невольнику. Брат девушки присутствовал на пиру — и по возвращении домой сурово покарал сестру и ее возлюбленного. Раба бросили в зиндан, а Рабии вскрыли вены и заперли в натопленной бане. Свои последние стихи девушка писала на стене — но не чернилами, а собственной кровью:

Без тебя, о красавец, глаза — два ручья,
 Все лицо свое кровью окрасила я.
 До ресниц меня в бурный поток погрузил.
 Нет, ошиблась я, ты всю меня иссушил.

...

Вся я в пламени, друг, и в слезах, и в крови,
 Мир покинула этот, сгорела в любви.
 Пробил час, без тебя я к концу подошла.
 Оставайся навек... ухожу... я ушла...

Впрочем, судьба Рудаки тоже сложилась трагически. В 940 г. Наср II — по наущению *визиря*¹, который ненавидел поэта, — приказал ослепить 80-летнего Рудаки и конфисковать его имущество. Позже эмир раскаялся в содеянном — но старик не простил монарха и умер в нищете.

Саманиды захватили все земли Саффаридов, тем самым объединив Афганистан с Хорасаном и Мавераннахром — своего рода «центрально-азиатской Месопотамией», которая располагалась между Джейхуном (Амударьей) и Сейхуном (Сырдарьей). Однако в 960 г. на северные границы Саманидского государства уже напирала новые покорители Центральной Азии — кочевые тюрки и монголы, чьи потомки сыграли главную роль в последующей мусульманской истории. В 990 г. тюрки-караханиды взяли Бухару; через 15 лет они покончили с Саманидами,

¹ *Визирь* (перс. وزیر — советник) — министр; *великий визирь* — главный министр.

расправившись с последним членом династии — Исмаилом аль-Мунтасиром.

Следующие хозяева Афганистана, Газневиды, славились военной доблестью и яростным продвижением ислама. Обстоятельства возникновения их династии представляют собой некий образец, который вскоре получил распространение в мусульманском мире. При Сасанидах армии исламских правителей начали укомплектовываться рабами, захваченными во время набегов за пределами Дар-аль-ислам¹. Командиры рабов зачастую наделялись различными полномочиями и занимали административные должности в провинциях и столицах. Неудивительно, что со временем они пришли к власти.

Одним из таких невольников был тюркский *гулям*² Алп-Тегин (ум. 963), возглавлявший саманидский гарнизон в Хорасане. Согласно первой версии, он дослужился до начальника личной гвардии эмира и приобрел такое влияние, что даже великий визирь был вынужден советоваться с ним по всем вопросам. Наконец Алп-Тегина удалили из столицы, назначив его наместником Хорасана, — однако гулям взбунтовался. По другой версии, Алп-Тегин попытался устроить в Хорасане переворот, но потерпел неудачу и бежал со своими тюркскими соплеменниками в Газну — крепость к северо-востоку от Кандагара, которой он правил с 961 г. от имени Саманидов. Как бы то ни было, раб обрел свободу и создал собственное государство.

Зять и бывший невольник Алп-Тегина, Себук-Тегин (977–997), воспользовался падением Саманидов и к 994 г. контролировал весь Хорасан к югу от Амударьи. Сын Себук-Тегина, Махмуд Газневи (998–1030), без ложной скромности объявил себя *султаном* и *падишахом*³ и возглавил державу Газневидов — первое крупное мусульманское государство, которое управлялось из Афганистана. Новоиспеченный владыка мира 17 раз вторгнулся в Индию. Его армия сжигала индуистские храмы на обширной территории от Сомнатха на западе до Каннауджа на востоке; перед ним трепетали князья Индо-Гангской равнины и Анхилвары (Гуджарата); его

¹ *Дар аль-ислам* (араб. دار الإسلام — земля ислама) — земли, которыми владеют мусульмане. Противопоставляется *дар аль-куфр* (араб. دار الكفر — обитель неверия) — странам, где правят немусульмане (кафиры).

² *Гулям* (араб. غلام — юноша, мальчик; раб, слуга) — лично несвободный воин.

³ *Падишах* (перс. پادشاه — верховный государь) — восточный монархический титул; его предшественником был древнеперсидский титул «шахиншах».

солдаты разрушили десятки городов и деревень — но султан редко прибавлял покоренные области к своим владениям. Он ограничился лишь Восточным Ираном, Хорезмом, Белуджистаном, Пенджабом и Кашмиром. Все прочие регионы интересовали падишаха только как места для бесчисленных грабежей и сбора дани.

Впрочем, Махмуд не хотел остаться в памяти народов как заурядный воинственный государь — он мечтал стяжать лавры ревнителя и распространителя ислама. Газневидские муллы¹ массово обращали в ислам индийцев и афганцев. Именно тогда в Афганистане был фактически искоренен индуизм. Со временем Афганистан — наряду с Пакистаном, Саудовской Аравией и пр. — пополнил список «самых мусульманских» стран на планете — тех, где почти нет иноверцев и где отсутствует даже значимое христианское меньшинство.

Газневиды были тюрками — но, подражая Саманидам, они сделали персидский официальным языком своей империи. Махмуд Газневи распорядился привезти в столицу тысячу ученых и мыслителей; придворным астрологом он назначил «персидского Леонардо да Винчи» — Абу Рейхана Мухаммеда ибн Ахмеда аль-Бируни. Падишах также опекал историка Абу Насра Мухаммеда аль-Утби, богослова Абу Бакра аль-Байхаки, философа Абу Насра Мухаммеда аль-Фараби и персидских поэтов. Примечательно, что многие из них ранее служили Саманидам. Так, Фирдоуси начал писать «Шахнаме» («Книгу царей») в Бухаре — а закончил в Газни. Он работал над поэмой 35 лет и посвятил ее султану Махмуду. Но падишаху — чьи предки отвоевали себе престол — не понравилась главная мысль произведения, согласно которой право на царскую власть имеют лишь те, кто получил ее по наследству.

Про дальнейшие взаимоотношения Махмуда Газневи и Фирдоуси сохранилось несколько преданий. Самое известное из них гласит, что повелитель не заплатил поэту, и обиженный Фирдоуси высмеял родословную падишаха в сатирическом стихотворении. Разумеется, после этого автору «Шахнаме» пришлось срочно покинуть Газни, и он скитался в бедности до конца жизни. Согласно другой легенде, недовольный султан планировал пожаловать Фирдоуси всего 50 тыс. дирхамов — но, посоветовавшись с визириями, снизил сумму до 20 тыс. Разочарованный поэт

¹ *Мулла* (араб. *الملا* — господин, повелитель) — исламский священнослужитель, знаток Корана и мусульманских обрядов.

направился в баню, купил себе пива, а оставшиеся деньги разделил между банщиком и продавцом прохладительных напитков. Обе легенды сходятся в одном: Фирдоуси умер до того, как султан Махмуд раскаялся и решил воздать ему должное. Повелитель прислал опальному стихотворцу дорогой подарок — но было слишком поздно. В Тусе — на малой родине Фирдоуси — рассказывают, что, когда покойника выносили для похорон через одни городские ворота, в другие ворота вступали верблюды, груженные царскими дарами.

В 1030 г. Махмуд Газневи скончался — и его держава уже балансировала на грани катастрофы. На Ближнем Востоке хозяйничали турки-сельджуки. В первой половине XI в. они вихрем пронесли по газневидским провинциям. Сельджукский правитель Тогрул-бек сокрушил Масуда I (сына и преемника Махмуда) в битве при Данданакане (1040) — в 60 км от Мерва. Империя Газневидов разваливалась: сельджуки забрали Хорезм, караханиды — Мавераннахр. Масуд бежал из Газни в Индию, прихватив с собой казну и надеясь навести порядок хотя бы в индийских владениях — где одно за другим возникали независимые княжества. Но султанские воины позарились на сокровища и убили своего господина.

Родственники Масуда продержались в Газни до 1151 г. — пока не нагрянули Гуриды, уроженцы афганского Гора. Гуридский султан Ала ад-Дин Хусейн II спалил город дотла, за что удостоился почетного прозвища «Джахансуз» («Сжигатель мира»). Позже Газни восстановили — но время, отведенное Газневидам историей, истекало. В 1186 г. их последний монарх Хосров Малик не сумел отразить нападение Гуридов на Лахор и попал в плен. Его отправили в Гор, заточили в крепость и через несколько лет казнили.

Гор (Гур) представляет собой скалистую местность в центре и на северо-западе Афганистана; сейчас это одна из афганских провинций. По иронии судьбы, Гор покорили Газневиды: они уничтожили здесь буддизм, насадили ислам — и отсюда же пришла их погибель. В XII в. племена под руководством местной династии Гуридов спустились с гор и вытеснили Газневидов из Афганистана и Индии.

Подобно своим предшественникам-филантропам, Гуриды покровительствовали персидскому искусству и культуре, но большая часть литературы, созданной в их эпоху, была утрачена. Тем не менее благодаря гуридским правителям персидское влияние распространилось на Индию, где в XV–XVII вв. существовали мусульманские Деканские султанаты и Делийский султанат. Впоследствии из них выросла империя Великих Моголов.

Кроме того, Гуриды оставили после себя монументальные здания — в частности, заложили фундамент грандиозной Голубой мечети в Герате (которую в 1200–1201 гг. построил гуридский султан Гийас ад-Дин Мухаммад¹) и воздвигли два минарета в газневидском стиле. Первый из них — знаменитый Кутб-Минар в Дели, самый высокий кирпичный минарет в мире (72,6 м). Другой — и второй по высоте — Джамский минарет в Афганистане (65 м), одиноко стоящий в пустынной долине недалеко от кишлака Джем. Он украшен куфическими надписями², геометрическими узорами и цветочными орнаментами. Джамский минарет (1194) — также проект султана Гийаса ад-Дина Мухаммада, призванный увековечить победу над Газневидами. Он является единственным уцелевшим зданием города Фирузкух (Фирозок) — первой столицы Гуридов, которую разрушили монголы.

На рубеже XII–XIII вв. Гуридов смели хорасанские турки, хлынувшие в Афганистан и Иран из Самарканда. Их монархи носили древний титул хорезмшахов (царей Хорезма). Расправившись с Гуридами и Сельджукидами, хорезмшахи на короткий период овладели их территориями.

В государстве хорезмшахов (а именно — в Балхе) родился персидский поэт, философ и суфий Мавлана Джалал-ад-Дин Мухаммад Руми (1207–1273). В наши дни он приобрел большую популярность благодаря своим афоризмам. Вот лишь некоторые из них:

- «То, что ты ищешь, тоже ищет тебя».
- «За пределами представлений о правильных и неправильных действиях есть поле. Я встречу тебя там».
- «Вы не капля в океане, вы целый океан — в капле».
- «Это очень тонкое понятие: все, что вы любите, и есть вы».
- «Рана — это место, через которое в вас входит свет».

Сын Руми, Султан Валад, создал в Конье суфийский орден Мевлеви, известный танцами «кружащихся дервишей». Дервиши Мевлеви — один из самых узнаваемых образов и туристических брендов современной Турции.

¹ По другой версии, Кутб-Минар построил Кутб ад-Дин Айбак — султан Дели и первый мусульманский правитель Индии.

² *Куфическое письмо* — один из старейших стилей арабской каллиграфии, созданный в VIII в. после основания двух иракских городов — Басры и Эль-Куфы.

Живя на средства, приносимые торговлей по Великому шелковому пути, хорасанские турки, подобно предыдущим тюркским кочевникам, могли превратиться из грубых завоевателей в оседлый и цивилизованный народ — но их господство в Центральной Азии оборвало монгольское нашествие. Никакая сила не могла противостоять коннице Чингисхана. Орды монголов, по некоторым данным, насчитывали 2 млн человек. Их количество, быстрота и маневренность делали любое сопротивление бесполезным. Средневековые хронисты сравнивали монгольские полчища с черной тучей, опустившейся на землю.

Многие народы помнят о немыслимой жестокости монголов. Так, в 1219 г. Чингисхан напал на Персию — и залил ее кровью, погубив от 10 до 15 млн человек (почти 75% населения). Население страны восстановилось до домонгольского уровня только в 1950-х гг. — для этого потребовалось свыше 700 лет. Иракцы до сих пор обвиняют монголов в своих нынешних бедах (разрухе, нищете и упадке) — хотя с завоевания Багдада (1258) минуло более 760 лет.

«Монгольский след» сохранился и в культуре Японии. Хубилай — внук Чингисхана — дважды пытался захватить Страну восходящего солнца (в 1274 г. и 1281 г.). Оба раза в короткие сроки создавались мощные флоты — причем второй был самым большим в истории человечества вплоть до Нормандской операции (1944). Но монголы не имели опыта в мореплавании; к тому же оба флота разметали тайфуны. Так в японском языке появилось слово «камикадзе» (яп. 神風 — божественный ветер) — ведь, по мнению японцев, их спасло не природное явление, а божественное вмешательство. В годы Второй мировой войны словом «камикадзе» называли японских пилотов-смертников. Идея «божественного ветра» не исчезла — она лишь получила новый смысл. В 1944 г. некий японский летчик описал ее в стихотворении, которое адресовал матери накануне смертельного вылета:

Знаешь, мама, завтра я стану ветром,
По священной воле разящим свыше.
Я прошу тебя о любви и вере,
И прошу — сажайте у дома вишни,
Я увижу, мама — я стану ветром.

Есть легенда о том, как Чингисхан осаждал афганскую цитадель Бамиана летом 1221 г. Во время очередного штурма его любимого внука Мутугэна сразила стрела, пущенная из лука. Взбешенный хан лично ринулся в бой, монголы устремились за ним — и Бамиан пал. Монголы учинили невообразимую резню. Чингисхан приказал сровнять город с землей, дабы никто больше не поселился в этом проклятом месте. С тех пор отнюдь не ветер завывает в горах Гиндукуша, окружающих Бамианскую долину, — это плач о гневе хана, который обрушился на город сотни лет назад.

Согласно другой афганской легенде, монголы взяли Бамиан благодаря предательству принцессы Лалы Хатун. Эта жестокая и гордая девушка хотела отомстить своему отцу, решившему выдать ее замуж против ее воли. Лала Хатун вынашивала план мести, пока не объявили о прибытии монголов. В письме, отправленном с помощью стрелы, она сообщила врагам, как лишить воды крепость, которая защищала долину. Овладев Бамианом, Чингисхан велел казнить принцессу — вопреки афганской пословице, гласящей, что «меч не рубит нежную шею».

Чингисхан прошелся по Афганистану огнем и мечом. Его люди повсюду сеяли смерть — безжалостно и систематически. Города и большие деревни в северных, южных и юго-западных регионах были разорены; некоторые из них так и не отстроили заново. Захватчики разрушили каналы и плотины, вырезали либо угнали в рабство местных жителей, которые могли бы восстановить ирригационную систему. Балх и Газни утратили статус центров мусульманской культуры. Гибель мегаполисов, некогда соперничавших с Багдадом, и убийство просвещенной элиты навсегда изменили страну и отбросили ее на сотни лет назад.

Афганцы быстро поняли, что можно укрыться от неприятеля в труднопроходимых горах. Репутация Афганистана как децентрализованного государства с кланово-племенной системой и средневековыми ценностями во многом обусловлена монгольским нашествием. Если до Чингисхана страна развивалась, то после него этот процесс практически прекратился.

Чингисхан провел молодость в бесконечных набегах и сражениях, которые всегда сопровождали монгольских и тюркских кочевников. Со временем он сумел объединить и возглавить враждующие племена, раз-

бросанные по необъятным степям к северу от Китая. Став безоговорочным лидером огромной племенной конфедерации, хан — который уже разменял шестой десяток — принял для всех своих подданных единый закон (Ясу) и алфавит, а также реорганизовал армию, приучив воинов к железной дисциплине, которая надолго пережила его самого. Чингисхан воспитал и возвысил талантливых полководцев — в помощь себе и своим сыновьям, которые унаследовали Монгольскую империю и продолжили завоевания отца. Подчинив Китай и овладев несметными сокровищами, великий хан обратил взор на запад.

По свидетельствам историков той эпохи, Чингисхан начал войну, когда могущественный хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед II легкомысленно отказался заключать союз с монголами. Ханских послов, приехавших в Самарканд с дарами, казнили. Этот опрометчивый поступок развязал Чингисхану руки и дал ему повод для вторжения. В 1219 г., как только шах отправил войско для завоевания Багдада, в Хорасан ворвались 200 тыс. монгольских всадников. Они сожгли Бухару и Самарканд, увели лучших ремесленников в Китай — а затем повернули на юг.

В 1258 г. Хулагу — внук Чингисхана — взял Багдад и убил халифа Аль-Мустасима, тем самым положив конец 500-летнему правлению Аббасидов. Арабский халифат исчез. Однако монголов постигла та же участь, что и других победоносных варваров, — они покорились уничтоженным ими цивилизациям. В Китае они стали буддистами; на западе — приняли ислам. В 1295 г. хан Махмуд Газан (1295–1304) провозгласил себя мусульманином и вынудил приближенных сделать то же самое. К XIV в. монголы уже активно распространяли ислам. Тем не менее со временем ханы растратили присущую им необузданную энергию. Центральная Азия замерла в ожидании нового великого завоевателя.

Он пришел в 1370-х гг. — и звали его Тамерлан.

Тамерлан (Тимур) родился весной 1336 г. в семье мелкого землевладельца в кишлаке на окраине Кеша, что к югу от Самарканда; сейчас это узбекский город Шахрисабз. Не будучи Чингизидом (потомком Чингисхана), он даже на пике своего могущества именовался великим эмиром и никогда не носил более царственный титул хана. В тюркских языках имя «Темür» значит «железо»; в персидских источниках встречается прозвище «Тимур(-э) Лянг» (перс. تیمور لنگ — Тимур Хромой). Тамерлан действительно хромал после того, как в юности был ранен в ногу вражеской стрелой. Однако увечье не помешало ему войти в историю.

Тимур создал последнюю степную империю Азии. Многие из его верных солдат были узбекскими тюрками — они составляли костяк тимуридской пехоты. Сегодня узбеки являются третьим по численности народом Афганистана, а сам Тамерлан считается национальным героем Узбекистана. В 1370 г. он покинул Мавераннахр, дабы возродить державу Чингисхана. За 35 лет Железный Хромец прославился как выдающийся полководец, не уступавший своему кумиру в жестокости и мстительности, — по крайней мере, судя по высоким пирамидам из отрубленных голов, которые складывали по всему Ближнему Востоку и Центральной Азии. Иракский Тикрит, сирийский Дамаск, индийский Ахмадабад — вот лишь некоторые города, где, по словам тимуридского историка Шарафа ад-Дина Али Йазди, «из голов воздвигли башни». Самая большая из них, построенная после взятия Исфахана, насчитывала 70 тыс. черепов; тогда же тимуридские всадники растоптали конскими копытами семь тысяч детей младше семи лет на глазах их матерей. Так Тамерлан наказал исфаханцев за упорное сопротивление.

По одной из версий, картина Василия Васильевича Верещагина «Апофеоз войны» (1871) была вдохновлена завоеваниями Тимура. Изначально полотно называлось «Торжество Тамерлана». Легенда гласит, что к Железному Хромцу обратились женщины Багдада и Дамаска — они пожаловались на мужей, погрязших в грехах и разврате. Тимур велел каждому воину из своей 200-тысячной армии принести по отрубленной голове прелюбодея. В итоге было выложено семь пирамид из голов. Впрочем, Верещагин посвятил картину не только Тимуру — на раме сделана надпись: «Посвящается всем великим завоевателям — прошедшим, настоящим и будущим».

Железный Хромец даже превзошел Чингисхана — его армии продвинулись дальше, чем монгольские полчища, захватив Дели на востоке, Дамаск — на западе, а также Азов и Астрахань — на севере. На заре XV в. Тамерлан разгромил османов в битве при Ангоре (Анкаре) и сжег множество поселений в Анатолии. Османский султан Баязид I Йылдырым (Молниеносный) умер в плену¹.

¹ См. Кича М. В. Стамбул. Перекресток эпох, религий и культур. — М., 2020.

За 35 лет (1370–1405) Тимур стал хозяином гигантской империи со столицей в Самарканде. Весьма символично, что эмир возродил этот город, ранее уничтоженный Чингисханом, и ценой невероятных усилий вдохнул в него новую жизнь. Железный Хромец навсегда вписал себя в историю. По прошествии веков его воспевали даже те поэты и писатели, которые вспоминаются в последнюю очередь, если речь идет о Тимуре — например, Эдгар Аллан По:

Взгляни на Самарканд. Ведь он —
Царь всей земли. Он вознесен
Над городами; как солому,
Рукой он держит судьбы их;
Что было славой дней былых,
Он разметал подобно грому.
Ему подножьем — сотни стран,
Ступени к трону мировому;
И кто на троне? — Тамерлан!
Все царства, трепетны и немые,
Ждут, что их сломит великан, —
Разбойник в блеске диадемы!¹

Впрочем, щедрость Железного Хромца распространялась далеко не на все его владения — так, захватив Афганистан, он лишь усугубил бедственное положение этой страны. Тамерлан утопил в крови Систан, отомстив афганцам за то, что во время очередного сражения они застрелили под ним лошадь. Тимуридские солдаты засыпали ирригационные каналы Гильменда — и «житница Востока» превратилась в безлюдную пустыню. Балх и Герат были разрушены. Тем не менее эмир не смог покорить племена — он пытался сделать это по дороге в Дели и обратно, но афганцы ушли в горы по привычке, выработанной еще при монголах.

Тимуриды (потомки Железного Хромца) владели Афганистаном до начала XVI в. Их империя раскинулась от Тигра до границ Китая. Искусные ремесленники, привезенные Тамерланом в Самарканд из разных стран, дали старт последнему культурному расцвету в Средней Азии, известному как Тимуридский Ренессанс. Государственная казна ломилась от роскошных военных трофеев и сокровищ поверженных врагов.

¹ Перевод В. Брюсова.

Торговля на Великом шелковом пути достигла апогея. У Самарканда и восстановленного Герата не было конкурентов — они только выиграли от гибели персидских городов во время монгольского вторжения.

Шахрух (1409–1447) — младший сын Тимура — одержал верх в династическом конфликте, разгоревшемся после смерти отца, и возглавил державу Тимуридов. Он перенес столицу из Самарканда в Герат. Жена эмира, Гаухаршад, помогла мужу выйти победителем в борьбе за трон, — и теперь с энтузиазмом руководила строительными проектами, привлекая лучших архитекторов. По ее инициативе в Герате возвели несколько мечетей и медресе¹. «Гаушархад» (перс. *بگیم گوهرشاد*) переводится с персидского как «яркий изумруд»; носительница этого имени всячески способствовала превращению Герата в главный восточный мегаполис. Дети Шахруха и Гаушархад получили блестящее образование, увлекались поэзией и каллиграфией. Один из них, Улугбек, снискал славу выдающегося астронома, другой — Гияс ад-Дин Байсонкур — учредил академию искусств.

Весной 1447 г. Шахрух скончался, и его неутомимая вдова играла важную роль в жизни империи на протяжении еще 10 лет. Она пережила не только мужа, но и обоих сыновей, внука Абд аль-Латифа (который предательски убил своего отца Улугбека) и многих родственников, сложивших головы в междоусобицах. Летом 1457 г. 80-летнюю старуху казнил ее племянник Абу-Сеид — последний правитель объединенного тимуридского государства.

Во второй половине XV в. держава Тимуридов распалась. В Хорасане воцарился последний отпрыск династии — Хусейн Байкара (1469–1506). При нем Герат пережил небывалый подъем науки и искусства. Тимуридский Ренессанс был «лебединой песней» классической персидской культуры, и Афганистан снова являлся ее ключевым центром — как в эпоху «Авесты», Саманидов и Газневидов. Гератский художник Кемаль ад-Дин Бехзад создал школу миниатюры — одну из самых авторитетных в регионе. В городе работали поэты и мыслители Нуриддин Абдуррахман ибн Ахмад Джами и Алишер Навои. Последний умудрялся дружить с монархом и одновременно писать стихи о том, что правители дурны и своевольны и благо разумным людям следует держаться от них подальше:

¹ *Медресе* (араб. *مدرسة* — место, где изучают) — мусульманское учебное заведение, выполняющее функцию средней общеобразовательной школы и духовной семинарии.

От всех венцов — одна доука нам:
Ведь ум слабеет, сжат со всех сторон.
Венцов не надо нашим головам,
Как и самим султанам — их корон!

Несмотря на могущество и великолепие, Тимуриды практически не повлияли на Южный Афганистан. В 1451 г. выходец с юго-востока страны, пуштунский губернатор Пенджаба Бахлул-хан Лоди воссел на престоле в Дели. Его наследники правили Делийским султанатом до 1526 г.¹

После того как Тимуриды окончательно утратили власть, Мавераннахр перешел под контроль узбекской династии Шейбанидов. Они ненадолго заняли Герат, но в итоге не сумели удержать земли к югу от Бухары. С тех пор и до 1979 г. Амударья была международной границей, которую не пересекала ни одна крупная армия. К концу XV в. в Афганистане обособились все основные этнические и языковые группы. Конечно, миграции имели место и позже — например, переселение персов при Сефевидях, — но в целом общая картина сформировалась и кардинально не меняется.

Итак, Афганистан больше не терзали кроважадные степные кочевники, — однако эра тюркского и монгольского владычества еще не завершилась. В 1504 г. 21-летний юноша по имени Захир ад-Дин Мухаммед Бабур взял Кабул и принял титул падишаха.

Будучи Чингизидом (по матери) и Тимуридом (по отцу), молодой человек мечтал воссоздать империю Железного Хромца. «Почти сто сорок лет столичный город Самарканд принадлежал нашему дому, неизвестно откуда взявшийся узбек, чужак и враг пришел и захватил его!» — сетовал Бабур в автобиографии «Бабур-наме». Он брал Самарканд трижды — в 1497 г., 1500 г. и 1511 г.; но всякий раз был вынужден покидать его под натиском врагов. Впрочем, на рубеже XV–XVI вв. в Самарканде уже ничто не напоминало о прежнем блеске Тимуридов, и Бабур постепенно охладил к городу. Теперь он смотрел на Афганистан.

Воцарившись в Кабуле, падишах потратил несколько лет на то, чтобы подчинить пуштунов, населявших территории вплоть до Кандагара. Затем он снарядил военные экспедиции в Индию и одолел пуштунских

¹ Во время правления Бахлул-хана в Индию из Афганистана переселилось пуштунское племя Сур. Выходцы из него основали династию Суридов. Суридское государство просуществовало 16 лет (1539–1555).

султанов Дели (1526). Через четыре года Бабур властвовал над большей частью Хиндустана (Северной Индии) и почти всем Афганистаном. Так родилась индийская пословица: «Только тот может быть императором Индии, кто сначала станет владыкой Кабула».

Бабур оставил после себя богатое творческое наследие — от классической автобиографии «Бабур-наме» до лирической поэзии. Он писал о своих предках, об афганских племенах, о флоре и фауне Индии и Афганистана — и, конечно, о любимом Кабуле, который сделал летней столицей и украсил пышными садами. Посреди одного из них — Баг-и Бабур — расположена усыпальница монарха.

Основанная падишахом империя Великих Моголов¹ просуществовала свыше 300 лет (1526–1858). Административную основу столь впечатляющего долголетия заложил внук Бабура — Акбар I Великий. Он часто назначал побежденных вражеских правителей собственными заместителями. Данная административная система сохранилась в Индии и при британском колониализме, и позже — вплоть до обретения суверенитета в 1947 г.

Если Акбар I отличался веротерпимостью, то его потомок Аурангзеб (1658–1707) подорвал авторитет династии, преследуя индусов. Религиозные гонения провоцировали массовые восстания. Кабул и Пуштунистан номинально входили в состав бабуридской державы до второй половины XIX в. — но падишахи обычно покупали лояльность пуштунских племен. Северным Афганистаном правили узбекские Шейбаниды, Западным — иранские Сефевиды (они закрепились в Герате в 1506 г.). Кандагар переходил то к Сефевидам, то к Великим Моголам — в зависимости от постоянно меняющегося баланса сил. Борьба между Бабуридами, Сефевидами и Шейбанидами обусловила хроническую раздробленность афганцев. Сотни племен и кланов были относительно автономны либо присягали на верность тому или иному монарху — в зависимости от своих потребностей.

Династия Сефевидов установила нынешние границы Ирана. Государственной религией был провозглашен ислам шиитского толка. При шахе Аббасе I Великом (1588–1629) Центральной Азией заинтересовались европейцы — это случилось после того, как на заре XVI в. в регион впервые проникли португальцы. Получив поддержку с Запада, шах в 1623 г. возобновил войну с османами, которые продвигались в Средиземноморье и на Балканы. Кроме того, британские корабли помогли Аббасу I

¹ Бабур называл моголами (могулами) степных кочевников.

овладеть стратегически важной португальской колонией на острове Ормуз в устье Персидского залива.

В начале XVIII в. в державе Сефевидов разразился общий кризис. На окраинах набирали силу сепаратистские движения. Самый успешный афганский лидер того периода, Мир Вайс Хотак, руководил крупным пуштунским племенем гильзаев. Гильзаи поддерживали Сефевидов, но взбунтовались, когда шах Солтан Хусейн I решил обратить их в шиизм. В 1709 г. Мир Вайс поднял восстание, взял Кандагар и объявил себя властелином Гильзайского ханства.

Сефевидский Иран приближался к упадку. Спустя семь лет после смерти Мира Вайса его сын Мир Махмуд-шах осадил Исфahan — столицу Сефевидов. Осада продолжалась с марта по октябрь 1722 г. Город пал — и Махмуд сделался новым персидским шахом. Однако пуштунское правление, зачастую успешное в Индии, обернулось катастрофой в Иране. Царствование Махмуда (1722–1725) и его двоюродного брата и преемника Ашрафа (1725–1729) изобиловало заговорами, междоусобицами и кровавыми распрями. Страна погрузилась в хаос. Пока члены гильзайской династии Хотак восседали на троне в Исфahане, их соперники из пуштунского племени Абдали установили жесткий контроль над землями от Герата до Кандагара.

Правление Сефевидов было символическим, но конец ему положил полководец Надир-кули. В 1732 г. военачальник низложил шаха Тахмасиба II и принялся исполнять обязанности регента при его сыне — восьмимесячном Аббасе III. Через два года Надир-кули был коронован как Надир-шах Афшар, царь царей Персии. И, разумеется, он дал начало собственной династии — Афшаридам.

Первым делом Надир-шах отменил старый указ — и официальной религией Ирана вместо сефевидского шиизма стал суннизм. Пуштунские племена с восторгом встретили эту новость, но монарх вовсе не искал их преданности. Напротив — он включил в свою державу весь Афганистан. Яростнее всех сопротивлялся последний оплот гильзаев — Кандагар. Город капитулировал весной 1738 г. — после года осады, когда от него остались лишь руины. Новый Кандагар возвели в 10 км к юго-востоку. Обломки цитадели Старого Кандагара до сих пор хранят память о мятежном Гильзайском ханстве — первом независимом афганском государстве.

Утвердившись в Афганистане, Надир-шах двинулся в Индию. Ничто не предвещало беды — но царю царей не суждено было вернуться из этого похода.

ГЛАВА 3

ВЕРЕВКА ИЗ ПЕСКА

Жизнь — волны рек в минутном серебре,
Пески пустыни в тающей игре.
Живи сегодня — а вчера и завтра
Не так нужны в земном календаре.

Омар Хайям

Приимерно в то время, когда будущий первый президент США Джордж Вашингтон достиг совершеннолетия, за океаном, в Центральной и Южной Азии, пуштунский воин Ахмад-хан создавал новую империю. Позже афганцы назовут его «Ахмад-шах Баба» («отец Ахмад-шах») — ибо, оглядываясь в прошлое, увидят в нем основателя своего современного государства.

Ахмад-шах происходил из пуштунского племени Абдали — второго по величине после Гильзай. Он был широкоплечим мужчиной с красивым лицом и миндалевидными глазами. В 16 лет Ахмад привлек внимание царя Персии — грозного Надир-шаха Афшара, который напал на бабуридскую Индию и унес из разоренного Дели сказочные богатства. По свидетельствам, на верблюдах вывезли более пяти тонн оправленных в золото рубинов, изумрудов и бриллиантов, полутонну мелких алмазов,

а жемчуг и вовсе не стали считать. Среди драгоценностей Великих Моголов были всемирно известные камни — алмазы «Кохинур», «Дерианур», «Шах Акбар», рубин Тимура и многие другие, а также бесценный Павлиний трон (Тахт-и Таус), изготовленный из двух тонн чистого золота¹. Добыча оказалась столь велика, что Надир-шах освободил Персию от налогов на три года.

История «Кохинура» прослеживается с 1300 г., хотя легенды рассказывают о его гораздо более древнем происхождении. В 1739 г. Надир-шах захватил все сокровища Бабуридов, но знаменитого алмаза среди них не оказалось. Завоеватель обещал награду тому, кто укажет местонахождение камня. Одна из наложниц побежденного индийского монарха Мухаммада Шаха заявила, что «Кохинур» спрятан в его тюрбане. До этого Мухаммад лично передал Надир-шаху ключи от Дели — и тот продемонстрировал хорошее отношение к поверженному врагу, дабы не озлоблять индийцев. Во время очередного пира Надир-шах предложил Мухаммаду обменяться тюрбанами в знак дружбы. Такой обычай существовал на Востоке с незапамятных времен, и отказ от него расценивался как проявление крайнего неуважения — а то и как объявление войны. Мухаммад был вынужден протянуть тюрбан Надир-шаху. По легенде, Надир-шах развернул его, увидел алмаз и воскликнул: «Кох-и нур!» (перс. کوه نور — гора света).

Подобно другим культовым драгоценностям, за «Кохинуром» тянется длинный кровавый след. Он неоднократно менял хозяев, за обладание им пытали и убивали. После индийского похода Надир-шаха камень оказался в Афганистане, затем — в Лакхоре и, наконец, попал в руки англичан (1849). Сегодня алмаз в 105 карат украшает корону британской королевы Елизаветы II. В честь «Кохинура» названы карандаши «Koh-i-Noor» чешской фирмы «L&C Hardtmuth». В 1889 г. она представила на Всемирной выставке в Париже эксклюзивные образцы своей продукции. Но если 130 лет назад кончики карандашей были отделаны 14-каратным золотом, то сейчас канцелярские принадлежности выпускаются в гораздо более бюджетном виде и доступны любому школьнику.

¹ Павлиний трон сделали в XVII в. для Шах-Джахана — падишаха империи Великих Моголов. В 1739 г. Надир-шах вывез артефакт в Персию, и после его смерти трон был разобран.

Ахмад-хан Абдали верно служил Надир-шаху, сопровождал его в индийском походе и командовал элитным отрядом из четырех тысяч всадников. Летом 1747 г. монарх возвращался домой из Индии — и 19 июня остановился на ночевку возле хорасанской деревни Хабушан. Армия, как обычно, разбила лагерь, — но полководцы не спали. По одной версии, они решили убить повелителя, прельстившись награбленными бабуридскими сокровищами. По другой — Надир-шах, сам будучи тюрком, почувал угрозу, исходящую от тюркских военачальников, и велел Ахмад-хану и прочим афганским приближенным перебить их; но тюрки узнали об этом и нанесли удар первыми. Как бы то ни было, ночь на 20 июня 1747 г. стала последней в жизни Надир-шаха. Легенда гласит, что кызылбаши¹ отправили отрубленную голову повелителя его племяннику и наследнику Али Адил-шаху с изъявлениями о верности.

После убийства Надир-шаха в лагере начался беспорядок. Согласно преданию, Ахмад-хан Абдали охранял шахский гарем и совершил прекрасный подвиг. Он в одиночку разметал толпу пьяных солдат, спас наложниц, а затем созвал конницу и добрался до Кандагара. Впрочем, вместе с Ахмад-ханом из лагеря исчезли и драгоценности Великих Моголов, включая «Кохинур».

Ахмад-хан возглавлял небольшой, но авторитетный пуштунский клан Садозай в племени Абдали. Столицей этого племени являлся Герат, в то время как племя Гильзай владело Кандагаром — где у Ахмад-хана тоже были влиятельные покровители. Смерть Надир-шаха освободила город от персидского господства. Пуштунские племена всегда ожесточенно боролись друг с другом — но теперь, когда государство Афшаридов рушилось, они поняли, что надо сплотиться — хотя бы временно — под властью одного человека, дабы пережить надвигающийся хаос. Позабыв разногласия, пуштуны объявили об организации *лойя-джирги* (пушту *لویه جرگه* — большой совет) — традиционного совета старейшин и племенных вождей, который собирался в кризисных ситуациях. В Кандагар начали стекаться *имамы*², судьи и прочие уважаемые люди. В их числе, помимо пуштунов, были таджики, узбеки, *хазарейцы*³ и

¹ *Кызылбаши* — туркоманские племена, говорившие на азербайджанском языке.

² *Имам* (араб. إمام — стоящий впереди) — титул выдающихся богословов, а также духовное лицо, которое заведует мечетью.

³ *Хазарейцы* — ираноязычный народ смешанного (монгольского, тюркского, иранского) происхождения.

представители иных афганских народов. Им предстояло выбрать первого лидера Афганистана.

Конечно, Ахмад-хан присутствовал на заседаниях лойя-джирги — но говорил мало. Ему было 25 лет, он считался слишком молодым и по пуштунским традициям должен был подчиняться старшим. Старшие же спорили девять дней — никто не хотел уступать и признавать правителем другого. Наконец, убеленный сединами дервиш вышел вперед и, указав на Ахмада, заявил: «Вот ваш правитель. Разве вы не видите? Нет у других величия и благородства!» Юноша возразил, что не достоин такой чести, — но дервиш возложил на его голову венок из пшеничных колосьев. Все затихли, потрясенные скромностью Ахмада, — и внезапно узрели его царственный образ. Даже амбициозный Хаджи Джамаль-шах — патриарх клана Баракзай, более могущественного, чем клан Садозай, — отказался от участия в выборах в пользу молодого соперника. По крайней мере, так гласит легенда — и в память о ней на государственном флаге и гербе Афганистана впоследствии часто изображали пшеницу.

Помимо удивительной скромности, Ахмад располагал несметными сокровищами, привезенными из Индии, и тысячами закаленных в боях конных воинов, преданных ему лично. Но апокрифическая история отражает интересные аспекты пуштунской культуры. Она легализует возвышение Ахмад-шаха через три фактора: одобрение, которое он получил от старого мудрого мусульманина; голосование племенных вождей и то, что юноша продемонстрировал самое царственное из всех человеческих качеств — самообладание. Эти три фактора превратили Ахмад-хана Абдали в Ахмад-шаха — повелителя всех пуштунов.

Пуштуны проживают на обширных территориях от Гиндукуша до Инда. Они являются доминирующим этносом в Афганистане и занимают второе место по численности среди народов Пакистана (после пенджабцев). В 2020 г. ООН оценила количество пуштунов в мире приблизительно в 63 млн человек (чуть больше, чем население Италии, и чуть меньше, чем население Великобритании).

Этногенез пуштунов еще плохо исследован — а пробелы в знаниях часто порождают всяческие гипотезы. В еврейской интеллектуальной среде существует любопытная теория, которая объявляет

пуштунов одним из потерянных колен Израилевых¹. Вот лишь некоторые — и весьма сомнительные — ее тезисы.

- Пуштуны именуют себя «бани Исраэль» («сыновья Израиля»). Они произошли от Афгана — сына израильского царя Саула. Впоследствии вавилонский правитель Навуходоносор II увел пуштунов из Палестины в афганские земли (собственно, так страна и получила свое название). Затем Кайс Абд ар-Рашид — потомок Афгана — принял ислам и стал сподвижником пророка Мухаммеда².
- Наименования пуштунских племен напоминают колена Израилевы: Африди — колено Эфраима, Ашури — колено Ашера, Гадон — колено Гада, Левани — колено Леви, Нафтахни — колено Неффалима (Нафтали), Рабани — колено Рувима, Шинмари — колено Шимона (Симеона), Юсуфзай — колено Иосифа.
- В Афганистане и Пакистане есть засушливый район Дашт-э Яхуди («еврейская пустыня»), который населяют пуштуны. Топоним «Дашт-э Яхуди» сейчас не употребляется, но в исторических документах он сохранился.
- У пуштунов много еврейских обычаев и традиций. Они не смешивают молочное с мясным, не работают в субботу, обрезают младенцев мужского пола на восьмой день после рождения и др.

Израильские власти давно ищут потерянные колена Израилевы по всему миру. Их находили даже в Индии и Эфиопии — и репатриировали на «историческую родину». В 2017 г. израильский исследователь Шмуэль Абукия объявил потерянным коленом Израилевым цыган. Так или иначе, «пуштунский вопрос» всерьез интересовал израильское правительство. В начале 2010-х гг. оно сформировало комиссию, дабы разобраться, имеют ли пуштуны право на репатриацию. Окончательное решение до сих пор не принято.

Пуштуны всегда были организованы в многочисленные племена, кланы и большие семьи. Каждый клан восходит к великому праотцу — поэтому в его названии есть окончание «зай», что означает «сын» (аналог приставки «мак» в наименованиях шотландских кланов.) Ахмад-шах

¹ *Колена Израилевы* — племена потомков двенадцати сыновей Иакова, которые, согласно Священному Писанию, образовали еврейский народ.

² Во многих преданиях именно Кайс Абд ар-Рашид провозглашается легендарным родоначальником пуштунов.

принадлежал к клану Садозай — следовательно, он и его родственники считались потомками мужчины по имени Садо (о котором, впрочем, не известно ничего, кроме того, что у него были дети). Члены другого могущественного клана, Баракзай, произошли от Барака — брата Садо. Многие кланы формально объединялись в племена. Садозай и Баракзай, например, входили в племя Абдали — то есть вели свой род от еще более далекого предка Абдала. Однако практически все племена и кланы существовали автономно, и многие из них даже номинально не являлись частью крупных этносоциальных групп (например племенных союзов).

Поразив старейшин своей скромностью, Ахмад-шах начал правление с того, что присвоил себе грандиозный персидский титул «Дурр и-Дурран» («Жемчужина жемчужин»). Пуштуны, которые хотя бы косвенно относились к новоиспеченному монарху, пытались подчеркнуть связь с ним — и стали именоваться «дуррани» («жемчужинами»). Вскоре все соплеменники Ахмад-шаха величали себя Дуррани — и слово «Абдали» исчезло из повседневного обихода и дальнейшей афганской истории. Родственники и потомки Ахмад-шаха правили Афганистаном до 1978 г. Гильзай по-прежнему считались влиятельными, но так и не сумели воскресить свою былую славу. В XV в. они царствовали на севере Индии в качестве султанов Дели, в XVIII в. — недолго владели Персией (династия Хотак). Однако теперь все это кануло в Лету.

Несмотря на помпезный титул, Ахмад-шах на самом деле не был королем, султаном или падишахом. Он являлся верховным вождем разрозненных и вечно конфликтующих племен, которые вынужденно сплотились перед лицом грядущей опасности. Все понимали, что альянс будет временным. Летом и осенью 1747 г. пуштуны ждали атаки персов с запада и османов — с севера. Предполагалось, что, как только градус напряжения снизится, союз опять распадется на племена, племена развалятся на кланы, а кланы — на большие семьи, основную единицу пуштунского общества. Через 30 лет Джордж Вашингтон назовет «Статьи конфедерации»¹ «веревкой из песка», которая лишь создавала иллюзию единства североамериканских штатов. В Афганистане роль такой «веревки» играл сам Ахмад-шах — и субъекты пуштунской конфедерации имели еще меньше общего друг с другом, чем их заокеанские аналоги.

¹ «Статьи Конфедерации и вечною союза» — первый конституционный документ США, принятый в 1777 г.

По сути, Ахмад-шах Дуррани возглавил народ, состоящий из больших семей, где каждый взрослый мужчина мнил себя государем. Традиции определяли место человека в социальной иерархии: мужчины стояли выше женщин, старики — выше молодых, а дети выдающихся родителей — выше детей родителей заурядных. Но должности и соответствующие им полномочия устанавливались в зависимости от личных качеств. Лидер появлялся в тот момент, когда другие люди ему подчинялись. Уважение можно было заслужить благодаря мастерству, с которым пуштуны вели семейную и клановую политику, — и в этой игре не существовало четких правил. Хорошая родословная, красноречие, любезность, наличие союзников, брачные связи — все это играло какую-то роль, но не определяло статус человека полностью. Любая форма власти всегда была открыта для вызовов — и власть нередко теряли вследствие необдуманных действий, глупых шуток, оскорблений, нанесенных в пылу ссоры, и прочих социальных ошибок. Одни и те же поведенческие шаблоны распространялись на все семьи, кланы и племена; они повторялись снова и снова на всех уровнях общества — и переплетались со сложной динамикой личных отношений, невидимой и непонятной для чужаков.

Царственный статус Ахмад-шаха обсуждался и подвергался сомнению даже после коронации. Монарх не мог в полной мере командовать не только старшими, но и своими ровесниками (иначе это подорвало бы его авторитет). Фактически правителя наделили властью последователи, связанные с ним взаимными обязательствами. Такие обязательства никогда не исчислялись в денежном эквиваленте — они имели характер не «услуги за услугу», а «крови за кровь». Природа афганской власти лежит не в рыночной, но в семейной плоскости. Это ключевой момент, который так и не осознали иностранцы, веками пытавшиеся управлять Афганистаном через своих доверенных местных «лидеров». Они ошибочно полагали, что надо официально объявить человека лидером, — и он сразу же им станет.

Для того чтобы стать настоящим повелителем и объединить народ под своей властью, Ахмад-шаху потребовалась «маленькая победоносная война». Его предшественник Надир-шах разгромил индийскую армию — и дурранийский монарх решил сделать то же самое. Индийцы преимущественно исповедовали индуизм и поклонялись идолам. Пуштуны, напротив, были мусульманами и верили, что уничтожение идолов

есть благое дело во славу Аллаха. Чем больше статуй индуистских богов сносил Ахмад-шах, тем больший авторитет он приобретал среди афганцев. Кроме того, идолов зачастую отливали из золота и инкрустировали драгоценными камнями, а индийские храмы были богато украшены. Иными словами, поход сулил Ахмад-шаху баснословные сокровища, которые позволили бы ему помочь афганцам и таким образом увеличить число своих соратников — а заодно и пробудить у них чувство долга и мотивировать на верную службу. Война не только расширила бы границы Дурранийской империи, но и укрепила бы власть Ахмад-шаха в тех землях, которыми он уже правил.

На политической сцене не было игроков, способных помешать Ахмад-шаху Дуррани. Империя Великих Моголов переживала упадок, ее сотрясали внутренние раздоры. Персидские города лежали в руинах после столетий войн — и в дальнейшем не сумели восстановиться. Например, неоднократно разрушенный Исфахан так и не достиг прежнего размера и важности. Средняя Азия угасла. Древние наземные маршруты Великого шелкового пути заносило песком. Караванную торговлю вытеснила морская торговля в Индийском океане, которой занимались европейцы, американцы и арабы. Огнестрельное оружие свело на нет мобильность и прочие тысячелетние преимущества кочевников. Единственным значимым государством в мусульманском мире являлась Османская империя — однако она находилась далеко от Афганистана. Великобритания и Россия — которые в конечном итоге заполняют вакуум власти в Южной Азии — только закладывали фундамент для своих будущих региональных завоеваний.

Главная задача Ахмад-шаха Дуррани заключалась в том, чтобы покорить территории за пределами Кандагара. В 1747 г. он отбил Газни у гильзаев и Кабул — у кзылбашей. Затем, обратив взор на восток, Ахмад атаковал Пешавар — ворота некогда процветающей державы Бабуридов. Несмотря на поражение от пенджабского губернатора Мир Манну (1748), дурранийский монарх в 1750 г. отобрал у могольского правителя Ахмада Шаха Бахадура Синд и Гуджарат, а в 1752 г. — еще и Кашмир. Таким образом, Ахмад-шаху удалось собрать под своими знаменами всех пуштунов — и пуштунское национальное самосознание начало развиваться именно под его властью.

За счет восточных пуштунских племен численность афганской армии увеличилась до 25 тыс. человек. Ахмад-шах двинулся на запад, осадил Герат и через девять месяцев вырвал его из-под контроля персов. Прони-

кая все глубже в персидские владения, он за два года захватил Хорасан — и наконец покорил земли между Гиндукушем и Амударьей. Они были неведомы пуштунам, в отличие от хорошо знакомых Индии и Персии. Местные жители (туркмены, узбеки, таджики и хазарейцы) до сих пор не интегрированы в пуштунское общество и предпочитают держаться от пуштунов подальше.

Все прочие военные кампании Ахмад-шаха проходили в Индии. В 1756 г. он взял Дели и оставил бабуридского падишаха Аламгира II на троне под надзором своего сына и наместника Тимур-шаха. Из Индии в Афганистан нескончаемым потоком текли налоги, роскошные трофеи, дорогие подарки и всяческие подношения. Дурранийский правитель раздавал их приближенным и соратникам.

Падишах повиновался афганцам, но его подданные-немусульмане были возмущены исламским господством. *Сикхи*¹ в Пенджабе набирали силу. Вооруженные отряды индуистов из народа маратхи, контролировавшие Западную и Центральную Индию, прорвались в Дели; в 1757 г. они с сикхской помощью разгромили Тимур-шаха. Разгневанный Ахмад-шах объявил джихад (священную войну) против индуистов и сикхов. Пуштуны поддержали своего предводителя. 14 января 1761 г. две огромные армии (по 80–100 тыс. человек в каждой) встретились близ города Панипат — там, где ранее уже отгремело несколько судьбоносных сражений². Дурранийский правитель сокрушил врагов, но битва приобрела важное значение гораздо позже. По мнению индийских историков, огромные потери при Панипате подорвали способность индийцев бороться с британской экспансией — и уже во второй половине XVIII в. Индия превратилась в колонию Великобритании. Однако, несмотря на поражение, неутомимые сикхи взбунтовались. Ахмад-шах Дуррани усмирял мятежников в течение восьми лет, но так и не смог выбить их из Пенджаба.

Пока Ахмад-шах воевал с индийцами, на другом конце Дурранийской империи орудовал бухарский эмир Даниял-бий (1758–1785) —

¹ *Сикхи* — последователи сикхизма, монотеистической религии, которая возникла в XV в. в Пенджабе — на северо-западе Индийского субконтинента.

² Первая битва при Панипате (1526) состоялась между Бабуром и султаном Дели Ибрахим-шахом Лоди, вторая (1556) — между Акбаром I Великим (падишахом империи Великих Моголов) и индийским самратом (императором) Хему.

отпрыск узбекской династии Мангытов. Он пытался присоединить к своим владениям ханства к северу от Гиндукуша. В 1768 г. Ахмад-шах заключил с эмиром соглашение о разделе сфер влияния вдоль Амударьи, по которой с тех пор проходит северная граница Афганистана. Даниял-бий скрепил договор ценным подарком — херкой (плащом), которую, как считается, носил сам пророк Мухаммед.

По другой версии, Ахмад-шах увидел плащ во время визита в Бухару — и загорелся идеей забрать артефакт с собой в Кандагар. Он спросил у зрителей, можно ли «одолжить» одеяние пророка, — но те заявили, что реликвию нельзя вывозить из города. Тогда афганский монарх указал на массивный валун, вдавленный в землю, и пообещал, что не унесет плащ дальше него. Обрадованные зрители вручили реликвию Ахмад-шаху. «Отец пуштунов» велел выкопать камень и отвезти его вместе с херкой в Кандагар. Как бы то ни было, Ахмад-шах возвел в Кандагаре — возле джума-мечети¹ — святилище Херка Шарифа для хранения реликвии. В 1996 г. плащ был выставлен на всеобщее обозрение Мухаммедом Омаром (муллой Омаром) — основателем «Талибана»* и главой Исламского Эмирата Афганистан.

Ахмад-шах Дуррани был храбр и жесток на поле брани, но афганцев восхищала не только его воинская доблесть. Будучи пуштуном, правитель славился гостеприимством, устраивал пиршества, занимался благотворительностью и всячески демонстрировал свою щедрость — как и предписывает Пуштунвали (пуштунский кодекс чести). В пуштунской культуре высоко ценится красноречие — и здесь Ахмад-шах также преуспел. Соотечественники и сейчас наслаждаются его патриотическими стихами (хотя их переводы с пушту на другие языки, по общему мнению, не слишком удачны). Вот, например, одно из стихотворений Ахмад-шаха, посвященное родине:

Сердца наполнены кровью твоей любви.
Ради тебя молодежь пожертвует своими жизнями.
Я прихожу к тебе, и мое сердце освобождается от всех забот,
Вдали от тебя заботы моего сердца ужасают меня, как змеи.

¹ Джума-мечеть (араб. مسجد الجمعة — пятничная мечеть) — соборная мечеть, где мусульмане молятся в священный день — пятницу (джуму).

Хотя я покоряю очень много земель,
Я никогда не забуду твои прекрасные сады.
Когда я вспоминаю их, я забываю трон Дели.
Горные вершины моего прекрасного Пуштунистана
Разрежут на куски врагов.
Если пуштуны владеют своими мечами,
То, значит, снова придет время Фариды и Хамида¹.
Если весь мир будет по одну сторону, а ты — по другую,
То я все равно выбрал бы твои коричневые засушливые равнины.
Ахмад-шах всегда будет дорожить тобой,
Хотя он может захватить земли всего мира.

В целом афганцы считали Ахмад-шаха Дуррани мудрым и справедливым правителем. Он не был деспотом и учредил совет из девяти человек, который принимал либо одобрял гражданские решения, но не вмешивался в военную сферу. Советники являлись вождями крупных пуштунских племен и хранили верность господину — ибо понимали, что, возвысив их, Ахмад-шах автоматически унизил остальных племенных лидеров. Впрочем, афганцам жилось довольно неплохо. Даже непуштуны чувствовали себя вполне комфортно. Отчасти так было потому, что Ахмад-шах позволил каждому народу заниматься своими делами и никого не угнетал. Конечно, он взимал налоги с подданных — но так поступают все монархи. В армию охотно шли представители разных национальностей — служба считалась не долгом, но условием получения добычи. По слухам, жители соседних с Афганистаном государств мечтали о том, чтобы Ахмад-шах завоевал и их тоже. Вот, например, стихотворение туркменского поэта Махтумкули (1724–1807)², восхваляющее «отца пуштунов»:

О, Ахмад-шах! Пусть слава твоя пройдет по земле,
А имя твое достигнет небесного трона.
Пришедший — слуга твой, не явившийся — добыча.
Поднимайся же шаг за шагом по ступеням величия.

¹ Герои пуштунского эпоса.

² Махтумкули жил в Иране.

Твое войско бьет мечом по Ирану.
Да будет крепка твоя шапка владычества!
В августейших горах величия ты — шах львов,
Подобен киту ты в волнах морей.
Перед тобой простерт Иран, за тобою стоит Туран.
Друг рад за тебя, а враг изумлен.
Судьба твоя — счастлива, дела же — удачны.
О если бы твой милосердный взгляд упал и на нас!

Фаранги¹ говорят, что ты оказываешь поддержку вере.
Предводитель правителей, ты — украшение ислама.
Подчини же своей воле всю землю Ирана!
День и ночь я молю Аллаха об этом.

Дурранийская держава простиралась от Восточного Ирана до Инда. В древности многие завоеватели основали, по сути, такую же империю — только называлась она иначе. В XI в. султан Махмуд Газневи брал те же самые города, что и Ахмад-шах. В XVI в. Бабур одержал победу в битве при Панипате — там, где афганский монарх разгромил индийцев два века спустя. Но Ахмад-шах отличался от других полководцев тем, что объединил пуштунов в гораздо большей мере, нежели кто-либо в истории. Он наладил отношения между кланами Баракзай и Садозай. Он примирил пуштунские племена Абдали (Дуррани) и Гильзай. Он создал хрупкий союз дюжины народов — и благополучно руководил ими. Пуштун-сунниты и хазарейцы-шииты, персоязычные таджики и тюркоязычные узбеки с туркменами, кочевые белуджи² на юге и полукочевые чайрамаки³ на северо-западе — все они считали себя верными подданными этого выдающегося правителя. В его пестрой армии зародилось не только пуштунское, но и афганское национальное самосознание. Представители десятков этнических групп стояли рядом, плечом к плечу, — ощущая свое единство и принадлежность к чему-то великому. Так формировался национальный дух, или «афганият». Вот почему еще при

¹ Фаранги — европейцы.

² Белуджи — иранский народ, населяющий Белуджистан.

³ Чайрамаки — ираноязычные племена, населяющие северо-запад Афганистана и северо-восток Ирана.

жизни Ахмад-шаха Дуррани местность, которую прежде именовали Арианой и Хорасаном, стала называться Афганистаном.

Тем не менее Ахмад-шах не создал государство в современном понимании. Сегодня под государством подразумевается территория с официальными границами — и в пределах этих границ функционируют органы публичной власти, которые издают законы, обеспечивают их соблюдение и наказывают за нарушения. Однако в Центральной Азии XVIII в. государство такого рода вообще не могло существовать. Ландшафт Афганистана был слишком сложным, население — слишком неоднородным, а инфраструктура — слишком примитивной. Дурранийская империя представляла собой аморфное политико-правовое образование с «центрами силы» — военными гарнизонами, крепостями и городами, разбросанными в сельской местности. В каждом городе и каждой деревне проживал авторитетный человек, который доминировал над окрестностями, но его власть убывала по мере удаления от подконтрольного ему населенного пункта, — подобно тому как магнитное поле ослабевает на расстоянии от магнита. Так, Кабул и Кандагар являлись «центрами силы» — но находились в 453 км друг от друга, и ни один из этих городов не играл значимой роли на столь обширном пространстве. Здесь устанавливали правила кто-то более слабый, но близкий — например губернатор ближайшего города, староста ближайшей деревни или богатый землевладелец с несколькими сотнями родственников и слуг. В этих условиях власть монарха сводилась к сбору налогов и организации воинского призыва — а также к его личным отношениям с локальными «хозяевами». Любое место, соответствующее данному описанию, было частью империи.

Естественно, главными «центрами силы» управляли люди, верные монарху, обычно — члены его семьи (братья, дяди, сыновья). В Афганистане насчитывалось всего три крупных города — Герат, Кандагар и Кабул. Еще два — Пешавар на юге и Мазари-Шариф на севере — тоже имели важное значение. Все они, как правило, входили в состав афганского государства — независимо от того, кто восседал на престоле. В наши дни четыре города по-прежнему расположены на территории Афганистана, но пятый, Пешавар, принадлежит Пакистану. Это порождает известные неудобства — так, Афганистан традиционно объясняет свои претензии на пакистанские пуштунские районы тем, что они были основным регионом проживания пуштунов начиная с 1709 г. — еще при династии Хотакис и во времена Дурранийской империи.

При Ахмад-шахе афганские города окружали высокие стены — как и в средневековой Европе. Чем больше был город, тем больше насчитывалось в стенах ворот. В могучем Кабуле их было пять: через одни проходила дорога на Кандагар, через вторые — на Пешавар, через третьи — на Мазари-Шариф и т.д. Внутри городских стен эти дороги превращались в широкие улицы. В Кабуле все они вели к огромному крытому рынку — настоящему лабиринту торговых рядов и лавок, где продавали продукты питания, ремесленные изделия и импортные промышленные товары. Базар тянулся вдоль набережной реки Кабул, которая протекает между горными хребтами и делит город на две части. Склоны холмов к северу от рынка были усыпаны домами. По другую сторону реки возвышалась королевская цитадель Бала-Хиссар с массивными башнями и толстыми стенами из обожженного кирпича. Первые укрепления возвели здесь еще в V в. до н. э., впоследствии форт постоянно расширяли и обустроивали. В декабре 1747 г. Ахмад-шах Дуррани сделал его своей зимней резиденцией.

Другие афганские города были устроены иначе. В Кандагаре, например, располагалось множество мечетей. Эта древняя столица пуштунов всегда являлась консервативным религиозным городом. Герат, наоборот, славился школами, поскольку долгое время считался центром искусства, литературы и образования. Сердцем Мазари-Шарифа была и остается знаменитая Голубая мечеть¹ с мавзолеем, где, согласно народным поверьям, похоронен халиф Али ибн Абу Талиб — зять и двоюродный брат пророка Мухаммеда, наиболее почитаемый шиитский деятель. Здесь также традиционно праздновали Новруз и проводили другие фестивали, ритуалы и церемонии, восходящие к зороастрийским временам.

Али ибн Абу Талиб был убит в 661 г. Его похоронили в Ираке близ Куфы, но место погребения держалось в секрете по просьбе самого халифа (он боялся, что враги надругаются над его трупом). При аббасидском халифе Харуне ар-Рашиде могилу Али обнаружили и построили святилище, вокруг которого вырос Эн-Наджаф — один из священных городов шиитов.

Однако есть и легенды, которые гласят, что вскоре после погребения Али некоторые из его последователей решили перепрятать тело. Покойника погрузили на верблюда и шли несколько недель,

¹ Мечеть называется так из-за голубых изразцов, покрывающих купол и стены.

пока верблюд не упал. На этом месте останки Али предали земле. Позже могилу стали именовать Мазари-Шариф (перс. مزار شریف — священная святыня или могила святого). Затем вокруг захоронения возник город с аналогичным названием — Мазари-Шариф.

Впрочем, большинство афганцев веками проживало и проживает отнюдь не в городах, а в сельской местности. Настоящий Афганистан — это афганская деревня. Она является ключом к истории страны и менталитету народа — ибо все еще существует и продолжает влиять на государственную политику.

Сельский Афганистан приобрел свою «классическую» форму в эпоху Итальянского Ренессанса (XV–XVI вв.). По холмам и равнинам были разбросаны тысячи деревень — и каждая из них представляла собой автономную политическую и экономическую единицу. Поселения вырастали на склонах гор, в долинах, а также возле рек и ручьев, стекающих с заснеженных горных вершин. В любой афганской деревне имелась цитадель (кала) — оборонительное сооружение с крепкими земляными башнями. Браки, как правило, заключались в пределах деревни, поэтому односельчане были связаны между собой, — но все равно подчеркивали свою принадлежность к разным кланам и скрупулезно изучали собственную родословную, дабы сохранять и культивировать чувство разобщенности. Это позволяло им выстроить социальную иерархию.

Самые привилегированные семьи проживали в кале вместе с бедными родственниками и слугами. Все остальные селились возле крепости. Вокруг простиралась сельхозугодья, луга и поля, где пастухи пасли овец и коз. Коров держали редко — они требовали ухода. У большинства крестьян были буйволы, чтобы тянуть плуг. Люди ходили пешком, а если путь предстоял неблизкий, то ездили на ослах. Ослы также перевозили грузы: бревна, кирпичи, мешки с зерном. Лошади стоили дорого, и позволить их себе могли немногие, — за исключением обитателей травянистых равнин на севере страны.

Афганский историк Мохаммед Али использует для обозначения таких поселений термин «деревня-республика» — ведь там не было формального правителя. Деревнями управляли старейшины кланов. Некоторые кланы имели более высокий статус, а их патриархи обладали большим авторитетом. Однако подобный авторитет скорее напоминал

авторитет отца в семье, нежели авторитет монарха в государстве. Ахмад-шах Дуррани на самом деле был патриархом всех патриархов — именно поэтому его звали «Ахмад-шах Баба» («отец Ахмад-шах»).

На местном уровне самых важных патриархов именовали ханами. Они являлись своеобразными «баронами» феодального афганского общества и передавали свой «титул» по наследству. Кроме того, в каждой деревне имелся еще и малик — собственно староста. Маликов избирали — но зачастую отец новоиспеченного малика тоже был маликом или ханом. Иногда обе «должности» — малика и хана — занимал один и тот же человек.

Судьбоносные решения принимались на *джирге* — совете авторитетных селян (в деревнях, где говорили на дари, его называли *шурой*). Совет собирался, когда назревал какой-то существенный вопрос. Члены *джирги* не принимали решение путем голосования — они обсуждали проблему до тех пор, пока единогласно не достигали консенсуса. Это делалось ради предотвращения конфликтов — ведь голосование означало, что большинство победило, а меньшинство — проиграло. *Джирга* — традиционный институт афганского общества, который официально действует на государственном уровне (в таком случае он известен как *лойя-джирга*). Первая *лойя-джирга* была создана в 1411 г., когда некоторые пуштунские племена хотели перебраться из Кандагара в Пешавар. Спустя 336 лет *лойя-джирга* избрала афганским правителем Ахмад-шаха. Наконец, последняя *лойя-джирга* заседала в 2002–2004 гг. для утверждения новой конституции Афганистана.

Джирга избирала малика — но его полномочия зависели от его же личного авторитета, происхождения и иных факторов. Фактически *джирга* просто констатировала статус и способности человека, которого все и так знали. Впрочем, малик исполнял и конкретные обязанности — в частности отвечал за контакты с внешней властью, кем бы она ни была представлена: губернатором соседнего города или самим монархом. Если монарх знал о существовании деревни, он взимал с нее натуральный оброк. Малик собирал продукты и скот — и доставлял их соответствующему чиновнику.

В любом населенном пункте присутствовали мусульманские деятели — в первую очередь муллы. У мулл были жены и дети, они могли владеть землей, ходили на войну и вовсе не считались святыми. Они просто умели читать — и даже прочитали Коран до конца. Муллы совершали различные обряды в той мере, в какой они регулировались исламом.

Например, муллу звали, чтобы он прошептал слова из Корана на ухо новорожденному — и тем самым ввел младенца в сообщество верующих. Когда кто-то умирал, мулла произносил погребальную молитву. Он также председательствовал на свадебных церемониях и встречах старейшин, где оговаривались условия брака, — ибо брак представлял собой сделку двух семей, а не кульминацию романа между женщиной и женщиной. Незадолго до намаза (молитвы) мулла забирался на минарет или высокую крышу (если минарета не было) и громко распевал арабские стихи, сообщая людям, что пора молиться. Иногда мулле помогал муэдзин — человек с мелодичным или хотя бы громким голосом. Разумеется, в деревне обязательно имелась мечеть — здание, которое служило местом для молитв, церемониальных собраний и заседаний джирги, а также приютом для путников, если таковые появлялись.

Иными словами, мулла заботился о деталях повседневной жизни в мире, настолько пропитанном исламом, что ислам нельзя было отличить от повседневной жизни. В остальном же он не располагал особыми добродетелями. «Делай то, что говорит мулла, не делай того, что делает мулла», — гласит афганская пословица. В фольклоре многих народов — в том числе, афганского — муллы изображены хитрыми и плутоватыми. Их олицетворением является мулла Насреддин¹ — причудливый персонаж суфийских притч и сатирических рассказов.

Вот один из таких анекдотов. К мулле Насреддину зашел сосед и попросил одолжить ему осла. Мулла не захотел. Он сказал: «Мне жаль, но мой осел вчера умер». В этот момент осел заревел в хлеву. «Что это? — удивился сосед. — Мулла, ты говоришь, что твой осел мертв, но я слышу его рев». «Кому ты веришь — мулле или ослу?» — возмутился Насреддин.

Еще одним деревенским персонажем был далак. Он не являлся духовным лицом, но многое из того, чем он занимался, предписывалось исламом. Например, мальчиков требовалось обрезать — и далак делал

¹ Мулла Насреддин — афганская версия Ходжи Насреддина. Титул «ходжа» («хаджи») означает, что его носитель совершил паломничество (хадж) в Мекку и Медину.

это. Далаки вырывали зубы, стригли волосы, пускали кровь и оказывали другие услуги личного характера. У них часто не было своего жилья, они спали где придется и ели то, чем их кормили клиенты. Деревенская — и вообще традиционная афганская — жизнь делилась на два мира: частный (населенный мужчинами и женщинами) и публичный (сугубо мужской). Далаки путешествовали между этими мирами. Они знали интимные секреты и грязные тайны каждого дома, собирали и распространяли сплетни — словом, были деревенской «службой новостей». Кроме того, далаки знали, в каких семьях юношам пора жениться, а в каких есть девочки брачного возраста — и потому занимались сватовством и организацией свадеб.

Далак занимал нижнюю ступень в иерархии деревенских авторитетов. Над ним возвышался мираб — лицо, которое ведало оросительной системой и определяло порядок пользования водой. Для того чтобы стать мирабом, надлежало иметь безупречную репутацию и слыть человеком мудрым и здравомыслящим. Мираб разрешал только водные споры, но играл очень важную роль — ибо в засушливом Афганистане земля сама по себе не стоила много, а вода была ценным ресурсом.

На вершине сельской иерархии находились очень уважаемые люди — *мавлaви*¹. Наиболее выдающимися из них считались *казии* (шариатские² судьи) — которые, однако, жили отнюдь не в каждой деревне. Казии были нужны только в трудных ситуациях, когда спорили представители разных деревень или племен, — поскольку семейные споры решались внутри семьи, клановые — внутри клана, а деревенские выносились на рассмотрение джирги. Судья признавался компетентным и набожным человеком. Впрочем, некоторые вопросы могли поставить в тупик даже хорошего казие. В таких случаях он советовался с *муфтием* — духовным лицом, который имел право издавать фетвы³.

В афганских деревнях не использовали ни деньги, ни даже бартерную систему. Натуральный обмен заменило персональное обслуживание.

¹ *Мавлави* (араб. مولوى — повелитель, владелец) — высший толкователь норм шариата.

² *Шариат* (араб. شريعة — правильный путь) — комплекс норм и предписаний, определяющих убеждения и нравственные ценности мусульман.

³ *Фетва* (араб. فتوى — решение, заключение) — суждение или решение по какому-либо социально значимому вопросу, которое выносится признанным знатоком ислама.

Каждый приходился кем-то своим односельчанам — сыном или дочерью, братом или золовкой, старейшиной или бедным родственником и т. д. Одни люди должны были служить другим и, в свою очередь, имели право на то, чтобы им тоже служили. Молодые подчинялись старшим — но старшие заботились о молодежи. Жены повиновались мужьям — но рассчитывали на их защиту и вели хозяйство. Все делали то, чего от них ожидали, и требовали того, что предписывали традиции.

Афганские села были самодостаточными. Крестьяне производили продукты питания и столярные изделия, мастерили обувь и подковывали лошадей (если они были). Женщины пряли и ткали, шили одежду и пекли хлеб, сбивали масло и готовили припасы на зиму. Мужчины выполняли тяжелую работу вне дома: рыли ирригационные каналы, строили запруды, вспахивали поля, убирали урожай, охраняли деревню и, конечно, воевали.

Автономность деревень вовсе не означала их изолированности. Жители близлежащих поселений знали друг друга. Иногда крестьяне ездили в город на осле, груженых войлоком или иным товаром, который они продавали, а деньги тратили на соль, спички и т. д. На базарах селяне узнавали о событиях в большом мире — которые, однако, происходили где-то далеко и абсолютно не влияли на деревенский уклад. Губернатор для крестьян был мифическим персонажем, а король — и вовсе чуть ли не вымышленной фигурой, чье влияние на повседневную жизнь равнялось нулю. Если монарх все же приезжал в деревню, он был господином и повелителем всего и вся, но как только он уезжал, то превращался в красивую легенду — и родители еще долго твердили детям: «Однажды я видел короля! Он стоял вон там, он был таким же настоящим, как этот ишак!»

Сельские обитатели контактировали с кучи — кочевниками-скотоводами, составлявшими около 10% афганского населения. Они являлись меньшинством — но меньшинством внушительным. Сотни тысяч человек жили в постоянном движении — они перемещались группами, останавливались на несколько дней или недель в благоприятных местах — а затем двигались дальше. В небольшом лагере насчитывалось 10 палаток, в большом — до 50. Кроме того, у кучи были сотни овец и десятки верблюдов, которых следовало пасти и сторожить. Кочевники вели опасный образ жизни — они всегда находились на чужой территории и нередко подвергались набегам со стороны своих братьев. К тому же, старый Аф-